

ИРИНА КАМЕНСКАЯ

МОЛИТВА О ЛЮБВИ

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТРИУМФ

2015

Ирина Каменская

Молитва о любви. Том II

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Каменская И. Б.

Молитва о любви. Том II / И. Б. Каменская — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В своих рассказах и новеллах Ирина Каменская поднимает темы, которые не оставят равнодушными наших читателей. Извечная тема «Отцов и детей»: с какими трудностями приходится сталкиваться взрослым людям, если они вошли в жизнь с комплексами, зародившимися в детстве и чем приходится жертвовать ради любви и к чему приводит эгоизм. Каждый рассказ – это драма, психоанализ, попытка разобраться во внутренней проблеме, мешающей человеку быть счастливым и жить в гармонии с миром.

Содержание

ГОРМОН ЛЮБВИ (Роман в портретах)	6
2014 год. Попутчики	6
Пролог	8
Часть I. «Жизнь, как удушье»	11
Глава 1. Улица	11
Глава 2. Алик	13
Глава 3. Виктор	15
Глава 4. Воспоминания	17
Глава 5. Издательство	32
Глава 6. Статья	35
Глава 7. Тайна	37
Глава 8. Соколовский	39
Глава 9. Маргарита	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Посвящается Юрию Алексеевичу Александрову

От автора

Человек рождается для того, что бы стать счастливым, жить в гармонии с собой и окружающим миром. Многие находят счастье в работе, в деньгах, во власти, в творчестве, в семье, в детях. Но... Каждый мечтает найти своё счастье в любви. Что такое любовь: химия, болезнь, сумасшествие, страсть? Ответа на эти вопросы нет, но, как только к нам приходит любовь, мы её узнаём.

Мои рассказы, романы и новеллы посвящены любви и основаны на реальных событиях. Всё, что касается «тонкой материи» и необъяснимых явлений, взято из жизни моих героев.

Я буду рада, если в ком-то из моих персонажей Вы узнаете себя, свои ощущения, свои эмоции, переживания и страхи. Это говорит о том, что жизнь подарила Вам талант – талант любить и быть любимым.

С уважением, Ирина Каменская.

(Член Союза Писателей)

ГОРМОН ЛЮБВИ (Роман в портретах)

2014 год. Попутчики

Он возвращался в Москву после длительной командировки, уставший, но довольный проделанной работой. Соседка по купе, ярко покрашенная блондинка бальзаковского возраста, поприветствовав его ослепительной улыбкой, принялась доставать из огромного пакета коробочки с ароматно пахнущей едой. Поздоровавшись и заняв своё место на верхней полке, он достал книгу, показывая всем своим видом, что не расположен присоединяться к трапезе, и, уж тем более, вести с ней задушевные беседы, которые обычно возникают между попутчиками. Поезд тронулся, и он облегчённо вздохнул: два человека в купе вместо четырёх, просто подарок судьбы.

– Добрый вечер, – услышал он приятный женский голос и оторвался от книги, – Еле успела.

Он посмотрел на стройную седую женщину, появившуюся в дверях, и моментально узнал её. Он узнал бы её через сотни лет и среди тысяч женщин. Ничего не изменилось: сердце защемило так же, как и тогда, много лет назад. Сколько усилий было положено на то, чтобы забыть её и стереть из памяти. Женился, семья нормальная, дети. Ничего не помогло. В купе вошла она. Его Маргарита. Его первая, а может, и единственная любовь в жизни. Интересно, вспомнит ли она его? Вряд ли. Никого вокруг себя не замечает. Как будто не от мира сего. А ведь ему тогда казалось, что и она любит его.

– Присаживайтесь, – произнесла блондинка, – давайте знакомиться. Меня зовут Нина. А Вас?

– Маргарита Михайловна. Можно просто Рита.

– Как хорошо, что Вы с нами едете. А то и поговорить не с кем, – сказала Нина и многозначительно посмотрела в его сторону, – Домой едете или в гости?

– Домой.

– Я смотрю, Вы без багажа. Хотите перекусить? Мне муж целую корзину еды положил. Заботливый такой, аж тошнит иногда.

Дав возможность новой попутнице расположиться за столиком, Нина продолжила свои нескончаемые вопросы, слегка понизив голос.

– У Вас цвет волос такой необычный. Свой или красите?

– Свой.

– А я крашу. Для мужа стараюсь. В Москву еду на пластическую операцию. Вокруг столько молодых. Надо соответствовать. Уведут ведь. Вы как относитесь к пластике?

– Я не сторонница.

– Зря. Если бы глазки сделали, да круговую подтяжку, да ещё бы волосы покрасили, выглядели бы лет на тридцать. Вам сколько лет? Мы, наверное, ровесницы. Мне 45. А Вам?

– А после операции как надо будет себя вести? Как тридцатилетняя? И это в 65 лет?

– Вам 65? О боже! Вы знаете средство Макропулоса?

– Нет, конечно. Видимо, родительские гены. А может быть любовь. Именно она способна продлить нашу молодость.

– Любовь? Не думаю. Многие мои подруги меняют внешность у пластических хирургов, чтобы встретить любовь. Мы, женщины, вечно недовольны своей внешностью. Так и хочется что-нибудь исправить.

– Гармония пропадает.

- Какая гармония?
 - Красивые губы Анжелины Джоли изуродовали половину женщин земного шара.
 - Вы так считаете? Я, кстати, собираюсь сделать именно такие губы, как у неё. Гармония, говорите? Не задумывалась. Как интересно. Вы, наверное, очень наблюдательны.
 - Я немного рисую. Женские лица в основном.
 - А как Вы относитесь к блефаропластике? Вы её замечаете?
 - Конечно. Глаза становятся, как у кукол, безжизненными.
 - Вы так убедительно говорите! Что же делать? Мне что, поезд остановить? Нет, я так настроилась! Нет, а как же мне мужа удержать?
 - Есть что удерживать? Или боитесь одиночества?
 - Ну, я его люблю.
 - Тогда почему же Вас тошнит от его заботы?
 - Да это я так просто сказала. Мне иногда нравится посмеяться над ним или унизить. Пусть знает, кто в доме хозяин.
 - «Женщина, смеющаяся над своим мужем, не может более его любить». Это не мои слова. Бальзак сказал.
 - Бальзак? Так если мужчину не унижать, он возомнит о себе бог весть что и другую найдёт.
 - От любимой не уйдёт. Я за равноправие в отношениях. Унизить мужчину, которого ты любишь, это всё равно, что унижить себя и свою любовь.
 - Скажите, а Вы замужем? – поинтересовалась Нина, пытаясь завести длительную беседу с Ритой.
- Меньше всего он желал услышать ответ. Быстро спустившись со своего места, он вышел из купе и направился в ресторан. Надо дать себе возможность успокоиться и привести мысли в порядок. Историю Маргариты он знал вплоть до того дня, когда они расстались. А началась она задолго до её рождения.

Пролог

Личная жизнь ректора педагогического института Михаила Ковальского интересовала всех. Он рано овдовел, десять лет считался самым завидным женихом в городе, полгода назад женился и, как всем казалось, стал самым счастливым человеком в мире. И вдруг по институту прошёл слух, что их любимый руководитель разводится, и чуть ли не на улицу выгоняет беременную жену. Такой жестокости от Михаила Семёновича никто не ожидал, так как слыл он человеком достаточно добрым и справедливым, помогал своим педагогам и студентам по мере возможности, чем и заслужил любовь и всеобщее уважение. Причина развода оставалась для всех тайной, но, опять же, по слухам, вроде бы его молодая жена застала Ковальского с любовницей, которой на тот момент было чуть больше 60 лет. Но, знаете, как говорится, чем чёрт только не шутит.

Пока интеллигентное общество пыталось разгадать сию тайну, в семье Ковальских разыгрывалась настоящая драма.

– Зоя, я не могу больше с тобой жить. Не могу жить с человеком, который меня так оскорбляет. Любовь – это доверие в первую очередь. И где оно у тебя, где? Я подал на развод, – произнёс Михаил и опустил глаза.

Видеть страдание в глазах своей молодой жены было выше его сил, но продолжать жить вместе становилось невыносимо. Слишком он устал от постоянных оскорблений, подозрений и той грязи, которая сквозила в каждом её слове.

– Ты не посмеешь! Я пойду в партком! Тебя выведут на чистую воду, развратник! Все узнают, какой ты на самом деле подлец и бесстыдник. У нас через месяц родится ребёнок, ты забыл? Ты не видишь, что я с пузом хожу? Конечно, куда тебе! Вокруг столько соблазнительниц! Всех ведь надо ублажить.

– Зоя, прекрати! Я не могу этого больше слышать. Мне дышать нечем рядом с тобой. Я не отказываюсь от ребёнка, хотя лучше бы он не родился. Послушай, давай по-хорошему. Ну не будет у нас с тобой жизни!

– По-хорошему захотел?! Не получится! Выселить меня захотел!? Развод тебе нужен!? Не выйдет! Я до обкома партии дойду! Всем расскажу, что ты спишь со старухами и со студентками!

– Это всё твои фантазии! Бред, бред! Больное воображение! Ты понимаешь это? Тебе придётся уйти из этой квартиры. Мне дают комнату для тебя.

– А, ну конечно, как я раньше не догадалась! Уже другую себе нашёл полюбовницу! На пороге, наверно, ждёт, когда квартирка-то освободится! Знаю, кто тебе комнату даёт! Такой же развратник, как и ты! Вместе погуливаете, знаю! Изверг! Животное! Не выйдет!

Находясь под маминым сердцем, ещё не родившееся, маленькое создание всё чувствовало, понимало, радовалось и огорчалось вместе с ней. Крошке очень хотелось увидеть родителей и почувствовать на себе всю ту любовь и нежность, на которую они раньше были способны по отношению друг к другу. А потом всё стало меняться. Постепенно. Страх появился с тех самых пор, как она осознала, что от неё хотят избавиться, и этот страх уже не исчезал ни на минуту. Она мысленно умоляла мамочку оставить её в живых и напоминала о себе, стуча ножками и ручками в животик. В живых её оставили, но мама плакать продолжала, а однажды её рыдания были настолько сильны и так продолжительны, что крошка решила выйти из животика и сделать что-нибудь, чтобы маме стало легче. Приняв такое решение, она изо всех сил задвигала ножками, напряглась всем своим тельцем, и... и её ослепил яркий свет. Малышка поняла, что ей это удалось, и это было счастьем: она скоро сможет увидеть и услышать свою мамочку, сможет сделать её счастливой и, самое главное, будет любить её.

В палату зашла медсестра, неся на руках новорождённую девочку.

– Кто из вас Ковальская?

– Я Ковальская.

– Я Вам доченьку Вашу принесла. Посмотрите, какая она чудесная.

– Что там на неё смотреть. Не иначе, как уродина родилась, – недовольно произнесла голубоглазая молодая женщина.

– Ну что Вы, мамочка! Девочка очень красивая, черноглазая, – ласково возразила медсестра, – слабенькая только. Врач всё Вам расскажет.

– Да что он может сказать!? Я и сама знаю, что уродку родила. Теперь, значит, ещё и слабую. Ох, горе моё луковое. Да разве что-то доброе могло родиться от этого изверга и развратника. Черноглазая, говорите? Значит, вся в отца. Мучайся теперь с ней, – произнесла Зоя.

– Мамочка, так нельзя говорить. Ребёнок всё понимает, – с осуждением сказала сестричка, пытаясь успокоить новорождённую, – Скажите, что любите её и что она красавица.

– Вот ещё! Даже не подумаю! Меня всю жизнь только работать и учили. На благо Родине, между прочим. А любить никто не учил. Можно подумать, меня кто-нибудь любил. Ничего, живу, как видите. И она проживёт без этой вашей любви.

Малышка сразу после этих слов заплакала, как будто поняла то, о чём сказала мать. Она плакала долго, горько и отчаянно: она не хотела быть уродиной, она хотела быть доброй и красивой девочкой. А будет ли любить её мама, если считает уродиной?

Зоя Васильевна, или Зоя, как все называли её в пошивочном ателье, боялась за дочь с того момента, как сестричка сказала, что девочка родилась слабенькой. А увидев у новорождённой родинку на мочке уха, решила, что её Риточка ещё и с физическими отклонениями. Слава Богу, не подтвердилось. Хватит с неё и тех несчастий, которые преследовали её всю жизнь, начиная с самого рождения. А всё отец виноват, Василий Егорович. Гулёна был ещё тот. Во время свадьбы с матерью, Евфросиньей Алексеевной, в дом, где полным ходом шло веселье, ворвалась молодая и красивая женщина и во всеуслышание прокляла и жениха с невестой, и весь их будущий род. Как выяснилось потом, Василий частенько захаживал к ней несколько лет, жениться обещал, да слово своё не сдержал.

Зоя, уже будучи юной девушкой, узнала от старшей сестры, Полины, что у матери первые четыре ребёнка, и все – девочки, умерли, не дожив и до года. Евфросинья Алексеевна часто плакала, называя себя самой несчастной женщиной в мире. Потом родились два сына, а за ними и две дочери. Жизнь стала налаживаться.

Зоя родилась за год до революции. Тогда-то Василий Егорович и разорился. Немецкие швейные машинки Зингер, которыми он торговал, стали никому не нужны. Перебивались как могли, и чем Бог послал. Зоя после школы пришла работать в пошивочную мастерскую. За три года до войны, у неё появился ухажёр, и все надеялись, что скоро поступит предложение руки и сердца. Однажды в мастерскую зашла цыганка и предложила погадать всем, кто не боится услышать своё будущее. Зоя, зная, что не сегодня-завтра станет невестой, рискнула, решив узнать дату своей свадьбы.

Цыганка внимательно посмотрела её левую руку и произнесла фразу, которая засела в душе леденящей болью, да так и осталась в ней навсегда.

– Ой, красавица, – тихо произнесла она, – нет у тебя судьбы счастливой, и не будет никогда. Не жди её.

С тех пор всё пошло кувырком. Жених, которого внезапно перевели в другую воинскую часть, а следовательно, и в другой город, так и не сделал ей предложения. То ли не успел, то ли передумал. Попрощался, да и был таков. Новые воздыхатели появлялись, но быстро исчезали, и у каждого находилась весомая причина. Не то чтобы её бросали, нет:

обстоятельства так складывались. А потом началась война, на которую Зоя записалась добровольцем, окончив ускоренные курсы медсестёр.

До Берлина дошла, сколько бойцов с поля битвы вынесла на своих плечах, не счесть, а любовь так к ней и не пришла. Ухаживать пытались, да только недолго. Всех война забирала. Война войной, а любви хотелось. Рядом с ней были счастливые и девушки, и женщины. И замуж выходили, и детей рожали, и война их мужей в живых оставляла. Было счастье рядом, да только не у неё, у других. И постепенно, рядом с болью одиночества, стала появляться и расти ненависть ко всем счастливым женщинам, ненависть и зависть к тем, у кого есть муж, семья, счастье.

После войны вернулась в Москву, да только жить было негде. Дом разбомбили, сестра с мужем и с родителями ютилась в маленькой комнате в бараке. Один брат на войне погиб, второй – пропал без вести, да и у Полины сына убили за несколько дней до окончания войны. Одним словом, горе кругом. Горе и разруха. Тогда Зоя и решила уехать поближе к морю. Какая разница, где влачить одинокое существование да обшивать счастливых, замужних женщин. Уж лучше в тепле, чем в холодной промозглой Москве. За Ковальского, который был на 25 лет старше неё, вышла замуж от безысходности. И тут не сложилось.

Часть I. «Жизнь, как удушье»

Глава 1. Улица

В городе Таганроге есть удивительная улица. Когда-то, очень давно, она называлась «Греческой», а после революции её переименовали в улицу 3-его интернационала. Вряд ли сами греки имели к этому какое-либо отношение. Они благополучно продолжали жить на своей любимой улице и гордиться ею. А гордиться было чем.

Ну во-первых: на их улице произрастало дерево. И это было не просто обыкновенное дерево. Это была ШЕЛКОВИЦА!!! Да, обыкновенная шелковица. Но... Ходила легенда, что именно около неё Пушкин написал свой шедевр: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том...»

Дело в том, что шелковица была необъятных размеров. И за дуб её принять великий поэт вполне мог, если, например, писал этот шедевр зимой. Если бы он приехал писать его летом, то, наверняка, попробовал бы сладких иссиня-чёрных плодов этого исторического чуда. Но, видимо, не случилось. И наша шелковица вошла в историю на веки вечные, как дуб с учёным котом.

Второй достопримечательностью улицы был царский дворец Александра I-го. Именно после посещения этого дворца, наш царь исчез в неизвестном направлении, и тайна его последующей жизни до сих пор не разгадана. Хотя историки предполагали, что именно после нашего жаркого Таганрога его потянуло в Сибирь, где он и закончил свою жизнь, стараясь не быть узанным.

Рядом с царским дворцом, на этой же улице, были построены царские конюшни, понятно для каких целей. Правда, после переименования улицы с «Греческой» на «Улицу 3-го интернационала» в конюшнях надстроили вторые этажи, привели их в порядок и заселили туда людей.

Строительство, видимо, было спешным и не предусматривало проживания номенклатурных и партийных работников, поскольку забыли в этих бывших конюшнях построить необходимые для каждого человека места общего пользования. Ну, забыли и забыли. Взяли и построили в самом центре двора одно такое место, но для всех. И место есть, и никому не обидно. А ещё, видимо, конюшни в прошлом не обогревались. Но и для людей тоже забыли провести батареи, хотя рядом проходил водопровод. Вот дома эти и стали обогреваться печками, а печки топились углём.

Но на этом достоинства этой удивительной улицы ещё не заканчивались. Самая главная, и, пожалуй, самая любимая и известная всему городу достопримечательность, заключалась в том, что по Греческой улице весь город шёл купаться на центральный пляж, расположенный у Яхт-клуба.

Утром можно было видеть толпу людей, весело и легко направляющуюся к морю, а ближе к вечеру – ту же толпу, но уже возвращающуюся с моря, еле живую, измученную жарким солнцем, молчаливую и с трудом передвигающую ноги. Лица у многих были ярко красного цвета, плечи прикрыты ситцевыми косыночками, а в руках, практически у всех, были жареные семечки, без которых отдых на море представить было ну практически невозможно.

Вечером Греческая улица преображалась. В одном из дворов, в самом его центре, рядом с местом общего пользования начинались танцы. Зажигалась на дереве одна единственная лампочка, включался патефон, и ставилась самая модная для того времени пластинка. Часам

к десяти вечера музыка становилась всё громче, молодёжи всё больше, а из открытых окон всё чаще раздавались возмущённые крики:

– Распустились, спать не даёте! А ну, выключите вашу шарманку, стилиаги чёртовы!

Но юным сердцам было не до сна. Все жаждали танцев, тесного общения, романтики. С моря дул свежий ветер, жара спадала, а страсти между присутствующими накалялись.

Вот и сегодня, наблюдающим за танцующей молодёжью было видно, кто к кому неравнодушен, кто пришёл абсолютно зря, кто давно нашёл своего партнёра, и не только для танцев, а кто здесь впервые.

В окне второго этажа дома прямо напротив танцплощадки показалось лицо совсем молоденькой девушки. В толпе сразу же её кто-то заметил.

– Рита, спускайся к нам! – крикнул молодой коренастый парень, одетый в широкие шаровары и белую рубашку, явно с чужого плеча, – Покажи всем, как танцевать надо!

– Что, Алик, никак успокоиться не можешь? Не выйдет твоя недотрога. Потанцуй лучше с Наташкой. Смотри, глаз с тебя не спускает.

– Не твоё дело, Витька, понял. Сам с ней танцуй – она на тебя смотрит. Тоже мне, умник нашёлся. Сам, небось, в Ритку влюблён. Думаешь, я не знаю?

– Тю на тебя, дурак.

Но Алик уже не слышал, что дальше говорил ему Виктор. Резко развернувшись к нему спиной, он ещё раз посмотрел на окно и, не увидев лица девушки, ушёл с танцплощадки.

Глава 2. Алик

Сердце его ныло от боли. Да, он действительно был влюблён в эту недотрогу с пятого класса и помнил, как всё началось.

Они всей семьёй переехали в этот район зимой, шесть лет назад. Колонка, из которой все брали воду, находилась во дворе. Мать дала ему ведро и попросила принести воды. Подумаешь, такое простое поручение для 13 – летнего парня! Он мог бы и два ведра принести. Спокойно вышел из подъезда, натянул на лоб шапку, так как дул сильный морской ветер, и остолбенел. По-другому назвать это было нельзя. Из подъезда напротив, вышла девочка с таким же эмалированным ведром и тоже направилась к колонке.

Она внимательно посмотрела на Алика, как будто хотела что-то у него спросить, но потом передумала, и прошла мимо, а он остался стоять и не мог двинуться с места. Таких грустных глаз ему ещё видеть не приходилось никогда. В этом он мог поклясться и себе, и кому угодно. А ещё у неё была длинная тёмная коса, на конце которой был вплетён огромный розовый бант. Когда Алик вернулся домой, оказалось, что ведро пустое. Ему пришлось опять идти к колонке. Девочки уже не было, а непонятная для него самого грусть где-то глубоко внутри осталась.

Через несколько дней они познакомились, и он пригласил её покататься на санках. Она согласилась, пообещав ему выйти на улицу минут через пятнадцать. Он прождал два часа, замёрз так, что не чувствовал ни рук, ни ног, но она так и не появилась. Он, конечно, расстроился, но при следующей встрече виду не подал, а просто спросил, почему она не вышла.

– Забыла. Прости, пожалуйста. А ты что, ждал меня? И долго? – удивлённо спросила Рита.

– Два часа.

– У тебя так много свободного времени? Да ты просто счастливый человек! У меня его вообще нет.

Со временем они подружились, а потом он прислал ей записку, что любит её и хочет с ней быть всегда-всегда. Она ничего на записку не ответила, а через несколько дней, увидев его на улице, подошла и просто сказала:

– Алик, давай дружить, как и раньше. Я тебя не люблю и никогда полюбить не смогу.

И он согласился. Он согласился бы на что угодно, лишь бы только видеть её. Через год, весной, он решил пригласить Риту в кино. Она призналась, что хочет посмотреть «Гусарскую балладу». Попасть на этот фильм было очень сложно, и Алик всю ночь караулил очередь, чтобы в восемь утра получить заветные билеты. Расстраивало его только одно: на фильм они могли пойти только через три дня. На все остальные сеансы всё было распродано.

Рита к этому отнеслась абсолютно спокойно, и они договорились встретиться через три дня за полчаса до начала сеанса. Алик счастливый прибежал домой и стал просить мать, чтобы она купила ему новый костюм, так как старый совсем истрепался, да и стал ему очень мал. Уговаривал долго, жалобно, как будто от этого костюма зависела вся его жизнь. Даже слезу попытался из себя выдавить. Не получилось, к сожалению, но, зато, костюм выпросил. Сходили вместе в магазин и выбрали серый, в тонкую белую полоску, а к нему ещё и белую рубашку мать купила. Красота, да и только.

К походу в кино Алик начал готовиться с утра. Отгладил новую рубашку, первый раз в жизни попытался побриться, волосы намазал бриолином, чтобы не торчали, как обычно, в разные стороны, надел костюм, модные туфли на высоком каблуке и за два часа до сеанса постучал к Рите в квартиру.

Рита открыла дверь и посмотрела удивлённо на Алика.

– Ты что с собой сделал? Совсем чужим стал. Может, переоденешься? И волосы расчеши, пожалуйста.

Алик быстро вернулся домой, стащил с себя костюм, сбросил туфли, облачился в старые шаровары, растоптанные сандалии и мятую рубашку, смыл бриолин, и ровно через десять минут вновь предстал перед Ритой.

– Ну вот, – довольно произнесла девушка, – хоть на человека стал похож. Теперь пойдём. И ещё у меня условие: если попытаешься меня за руку взять, тут же уйду. Ты меня понял?

Алик понял и никаких попыток не предпринимал. Он готов был выполнить любое её желание или прихоть. Со временем в её раба превратился. Друзья над ним потешались, а ему всё равно. В свободное от учёбы время он стоял у порога её дома и ждал, когда выйдет Рита, и он ей сможет в чём-нибудь помочь. Стоило ей только заикнуться, что у неё закончились тетради, он мчался в магазин за ними, хлеба в доме не оказалось – он предлагал принести, на море собралась идти – он уже рядом плетётся. Главное – рядом с ней быть. Ни о чём, кроме неё, не думал. Ухаживал, добивался. В любви признавался! Сколько пощёчин получил, когда пытался её поцеловать! И ничего!

Когда Рите исполнилось 18 лет, он сказал, что любит её и предложил пожениться.

– А как мы с тобой жить будем? – спросила девушка, – Так же, как твои родители? Бить меня будешь и с ножом по двору гоняться? Нет, Алик, такая жизнь не для меня.

– У нас всё по-другому будет. Я обещаю.

– Ничего у нас с тобой не будет, Алик. Я другого человека люблю.

Алик тогда чуть с ума не сошёл с горя. Действительно, родители очень плохо живут, не ладят между собой, ругаются, дерутся, мать вечно в синяках ходит. Надеялся, когда Риту в дом приведёт, отец присмирееет. Не вышло. Всё думал, кого она любит. Решил, что Витьку, лучшего его друга. Вызвал его во двор и избил. Вернее, подрались. Дружба закончилась, ненависть и ревность остались.

Глава 3. Виктор

На воскресные танцы собралась вся молодёжь с близлежащих улиц. Виктор стоял в окружении ребят и злился на весь мир. Злился на Алика, считая его соперником, злился на эту чёртову Ритку, которая сидела в его сердце, как заноза, причиняя нестерпимую боль. Злился на себя, что допустил кого-то в свою жизнь, такую драгоценную, единственную и неповторимую. Он знал, что красив, и пользовался этим без зазрения совести. Женщины проходу ему не давали, да и он, впрочем, не пропускал случая воспользоваться их услугами. Вот и сейчас, он подошёл к Наташке и стал с ней танцевать, грубо прижимая к себе и давая волю рукам.

– Что, Витенька, опять злишься? Не пришла твоя недотрога?

– Замолчи, дура. Не твоего ума дело, – зло ответил Виктор, и оттолкнул от себя партнёршу.

– Злой ты, Витька. И за что тебя только бабы и любят? – грустно ответила девушка.

– А сама-то за что?

– Красивый ты больно. Аж душа рвётся от такой красоты.

– Ну вот, сама же и ответила. А теперь проваливай, нечего со «злым» танцевать.

Будешь тут злым, когда всё складывается не так, как ты хочешь. А хотел Витька много чего. Ну, во-первых, хотел много денег, хотел дом большой, и не где-нибудь, а в лесу. А в доме, чтоб Ритка жила. Он бы её никуда не выпускал, только во двор по хозяйству, да за детьми присмотреть. Детей у них было бы семеро, не меньше. Тогда бы уж точно на неё никто не посмотрел бы, на многодетную. Сам бы на охоту ходил, всякую тварь лесную убивал бы, да к Риткиным ногам и бросал бы. Сказка, а не жизнь!

А мечты эти появились у него, когда Рите исполнилось 17 лет, и она пришла пригласить их с сестрой Олей к себе на день рождения. Вот тогда его отец и сказал:

– Ну, до чего же ты, девочка моя, красивая. Не налюбуйешься и только. Вылитая Шенгеляя.

Витька ходил с одной девчонкой на «Гранатовый браслет», и ему героиня очень понравилась. Вот он и посмотрел на Риту и...встретился с её внимательным взглядом. Уж он-то смотреть умеет так на женщин, что они глаза опускают, не выдерживают. А эта ничего, смотрит и о чём-то думает, как будто изучает его. Сходства с актрисой он не увидел, а сон с тех пор потерял. Вначале не понял, что с ним такое происходит. У него на каждой улице по девчонке. И каждая ждёт, любит, жениться зовёт. А он только о ней, о Рите и думает. Попытался поухаживать. Где там! Даже не глядит в его сторону! Хочет за руку взять, она в сторону отходит. В кино её приглашал, на море купаться, просто погулять – ни разу не согласилась. Во дворе посидеть – пожалуйста, это она может, если время есть, но не больше. Однажды он не выдержал и сказал ей:

– И чего ты недотрогу из себя корчишь? Посмотри на себя. У тебя лицо, как топором вырублено. Отшлифовать бы его.

– А я знаю, что некрасивая. А ходишь за мной почему?

– Выходи за меня замуж. Я тебя любить буду. Всю жизнь.

– А что, красивые не соглашаются за тебя замуж идти? Решил на мне, на некрасивой жениться?

– Да я хоть завтра сразу на трёх женюсь, если захочу.

– Вот и женись. На трёх. А я за тебя замуж не выйду. Даже иллюзий не строй.

Что с ним тогда происходить стало, даже вспоминать страшно. Целый месяц сидел дома, не выходил никуда, ни с кем не разговаривал. Потом следить за ней стал. Всех маль-

чишек знал, которые её из школы провожали. Четверых насчитал. Всех ненавидел, морду бы им набить, гадам, надо, что бы дорогу к её дому забыли. А потом и совсем с ума сошёл, по-другому это назвать было нельзя: решил сделать всё так, как она сказала. За один год три раза женился, по неделе с каждой жил, а потом разводился. После третьего развода подошёл к ней и сказал:

– Ну что, пойдёшь за меня замуж? Я всё сделал, как ты сказала.

– А ты меня всё ещё любишь?

– Больше жизни люблю. Всё, что хочешь, для тебя сделаю.

– Ты страшный человек, Виктор. Не подходи ко мне больше никогда. Видеть тебя не желаю.

– Ты – роковая женщина. Не будет тебе счастья в жизни.

– А у меня и так счастья нет. Но если и будет, то не с таким, как ты.

Пока вспоминал, дискотека уже потихоньку стала заканчиваться. Витька посмотрел на знакомое окно – свет в нём горел. От одного вида этого окна, боль раздирала всю его душу. И поговорить не с кем. Был Алька другом, так и с ним поругался, и всё из-за неё, из-за Ритки.

«Всё, хватит, уеду к чёрту отсюда. Видеть её не буду, может, всё и забудется. В лес уеду, как и мечтал. Как избавиться от этой любви? Только бежать, куда глаза глядят. От неё бежать. От Риты».

Глава 4. Воспоминания

Несмотря на поздний час, в комнате горел свет. Рита сидела на кровати и читала книгу.

– Давай спать ложись. Хватит свои романы читать. Никак остановиться не можешь. Всё равно умней не станешь. Завтра же выброшу все книги, – подала голос мать.

– Это не роман. Книга о жизни Ван Гога, – ответила Рита, но свет выключила и послушно легла спать.

– И что? Наверняка, такая же гадость, как и всё остальное.

От этих слов, грубых и несправедливых, больно сжалось сердце. Как всегда. Ничего не меняется. Уехать. Скорей бы уехать. Сколько она себя помнит, мать всегда была недовольна ею. Даже с самых первых воспоминаний от слов матери, от её поступков по отношению к ней, к дочери, практически всегда оставалось ощущение страха и боли.

Вот она, Рита, совсем маленькая, находится одна в комнате. Больше никого нет. Ей очень страшно. И она начинает ходить вокруг кровати, чтобы заглушить страх. Ей это немного удаётся. Тогда она начинает бегать вокруг кровати, чтобы прогнать страх из своего сознания, и ей становится спокойней.

В комнату заходит мама. Рита бросается к ней со слезами.

– Мама, мама, мне совсем не было страшно без тебя, – плача, говорит она, – тебя не было так долго. Побудь со мной.

Ей ещё хочется сказать: «Помоги мне, защити меня от моего страха, обними меня. Страх ещё здесь, рядом. Я его боюсь. Не бросай меня одну. Рядом с тобой мне спокойно».

Она обнимает маму за ноги и просится на руки. Всё это ей хочется сказать маме на ушко, чтобы страх не услышал, и не подумал, что Рита его боится.

– Отстань от меня. Я устала. Не понимаешь, что я весь день работала. К соседям зашла на пять минут отдохнуть. А тебе лишь бы обниматься, поцеловщица, – мама тяжело опускается на стул, но Рита бросается к ней на колени, обнимает за шею и начинает целовать.

– Отстань, кому сказала. Вот ребёнок, ни уму, ни сердцу. Лишь бы целоваться. А ну, быстро в постель, кому сказала. Спать!

Она послушалась маму и легла спать. Ей не было уже так страшно, но было очень одиноко, и там, где-то в глубине её маленького тельца, было очень больно от этого ощущения. Почему мама не понимает, что рядом с ней, станет спокойней, теплей и уютней? Почему мама всегда отталкивает её?

Ночью ей приснился сон: она лежит в своей кроватке, и вдруг со всех сторон начинают подниматься чёрные руки. Их много, они извиваются, пытаются схватить её за горло. Она просыпается, захлёбываясь от слёз и леденящего страха.

– Мама, мама, – кричит она, но ей никто не отвечает. Рита подходит к маминой кровати, но там никого нет. Она плачет ещё сильнее. Ей кажется, что чёрные руки преследуют её и сейчас.

– Где же ты, мама, моя любимая мамочка? Спаси меня, защити.

В это время тихо открывается дверь, и в комнату входит мама с дядей Витей. Рита его знает. Он недавно пришёл из армии и живёт в соседней квартире. Он часто сидит у них допоздна и долго разговаривает с мамой. Мама тихо смеётся. Рита понимает, что мама счастлива, и спокойно засыпает. Иногда дядя Витя угощает её конфетами, а один раз пытался дать денег, но Рита не взяла. Сказала ему, чтобы он отдал их маме. Он хороший, и она его не боится.

– Мама, мама, – кричит Рита, пытаясь спрятаться в мамино тёплое тело.

– Ну что ты кричишь, горе луковое. Уж и отойти нельзя, – и обращаясь к мужчине, тихо говорит, – Никакой жизни нет с этим ребёнком. Ничего не выйдет. Иди домой.

Рита хочет прижаться к маме, но та быстро укладывает её в кровать, бормоча что-то о проклятой жизни.

Следующее воспоминание более яркое и очень солнечное. Она гуляет на своей любимой улице возле дома, ярко светит солнце, вокруг зелёные деревья, жара. На ней белое платье в красный горошек и огромный бант в волосах. Дети постарше играют в классики, начерченные на асфальте, мешая прохожим, которые направляются к морю. Её играть не берут – она ещё слишком мала. Возле неё останавливается незнакомый мужчина в красивой одежде. Мама всегда говорит ей: «Если дядя хорошо одет, значит он бандит. А если дядя в грязной одежде, значит он рабочий и он хороший. Его бояться не надо».

Дядечка наклонился и заговорил с ней.

– Чья же ты, такая красавица? Ну, просто принцесса из сказки! Такая маленькая, а гуляешь одна. Сколько же тебе лет?

– Три годика. И я не одна. Я с ними, – говорит Рита, показывая на скачущих девочек.

– А мама где твоя?

– Мама дома.

– А папа твой где?

– У меня нет папы.

– Как это – нет папы? А где он?

– Он нас бросил, потому что изверг. Дядя, а ты бандит?

– Нет, не бандит, – он весело засмеялся, – Почему ты решила, что я бандит?

– Ты очень красивый и хорошо одет, – ответила она, и, испугавшись своих слов, бросилась бежать домой со всех ног. У неё было хорошее известие для мамы. Она её сейчас порадует. Дядя сказал, что она красавица и принцесса, и сам он не бандит. Мама просто этого не знает, а она ей скажет, и маме легче будет жить на свете.

Забегав в комнату, прямо с порога, Рита радостно сообщила новость.

– Мама, мама, что я тебе сейчас скажу! Мне дядя сказал, что я принцесса из сказки и что я красавица. И дядя очень красивый. И он вовсе не бандит. Это правда. Он сам так сказал.

– Вот дурёха. Слушаешь всяких проходимцев. Все дяди врут. Всегда. Им верить нельзя. Ну, какая же ты принцесса? Принцессы нищими не бывают. А мы с тобой нищие. И родители мои были нищими. Батя вот твой богатый, да только где он, батя-то твой? Наверное, за юбками бегает, а о родной дочери и думать забыл. А, может, ты мне врешь? Не смей мне врать, слышишь? Ишь, с детства врать научилась.

Рита часто слышала от мамы, что они живут очень бедно. В их большой, светлой комнате, с огромным окном, из которого было видно море, стояли две кровати, стол, шкаф и два стула. «Неужели этого мало, для того, чтобы быть принцессой» – подумала Рита и заплакала.

– Мама, почему ты мне не веришь? Почему я не могу быть принцессой? Почему мы нищие? Почему папа обо мне и думать забыл? Потому что я дурёха? Поэтому он меня не любит? Мама, а ты меня любишь?

– Глаза бы мои тебя не видели, надоела со своими соплями. Тоже мне, туда же! Любовь ей подавай! Мала ещё для любви.

– А когда вырасту, меня будут любить?

– Опять о любви? Да кому ты нужна со своей любовью? И не надейся. Ты и сейчас-то никому не нужна, а вырастешь, тем более никому нужна не будешь. Годам к тридцати растолстеешь, как корова, с твоим-то здоровьем. Вот и посмотрим, кто такую толстую любить будет. Можно подумать, меня кто-нибудь любит.

– Мамоchка, я тебя люблю. Очень, очень. И дядя Витя тебя любит. Он целует тебя, значит, любит.

– Не твоего ума дело. Не смей о нём говорить. И никому о нём не говори, ты слышишь меня?

– Не буду, мамочка. Честное слово, не буду, – ответила Рита сквозь слёзы. Хорошее настроение после слов незнакомца, закончилось. Ей стало больно и страшно. Значит, мама её не любит. И она не принцесса. И никто никогда её не полюбит. И она никому никогда не будет нужна, даже папе извергу. Надо пойти на улицу, найти этого дядю, и сказать ему, что он обманул её.

«Дяди все обманщики, особенно красивые. Красивым никогда больше верить не буду. Только мама правду говорит», – подумала про себя несостоявшаяся принцесса.

Слово «безотцовщина» она услышала тем же летом. Дети, намного старше, чем она, по возрасту, устроили в одной из дворовых беседок «больницу». Все разделились на «врачей» и на «больных». Дети постарше стали «врачами», а дети помладше – «больными». Она была самой младшей, поэтому стала «самой больной», которой требовалась «операция» после укола. «Врачи» попросили всех «больных» раздеться для «уколов». «Уколы» делали палочками, поэтому больно не было. Было очень стыдно, что стоишь без сарафанчика, так как «укол» нужно было делать под лопатку, как в настоящей больнице.

Все «больные» уколы уже сделали и оделись. Осталась она одна. В тот момент, когда ей стали делать «укол», в беседку зашла соседская тётя. Что тут началось! Тётя стала всех ругать и выгонять из беседки. Особенно, досталось ей. Вот тогда она и услышала в свой адрес это слово.

– Что от неё ждать. Она же безотцовщина!

Слово было очень обидным и непонятным. Она хотела спросить у мамы, что оно означает, но мама, после этого скандала во дворе, очень сильно ругала Риту.

– Зачем сарафан сняла? Задницу свою всем хотела показать? Мала ещё! Не смей больше дружить с этими детьми. Они все хулиганы и бандиты. Ты, тоже, хочешь стать такой же, как они? Ты что, не видишь, что они плохие!? Совсем глупая!? Если ещё хоть раз с ними увижу, выдеру, как сидорову козу!

Рита и сейчас помнит, как стало страшно от этого крика, и как она пыталась сказать маме, что все дети хорошие, что ей с ними интересно играть, что больница была не настоящая, что это просто игра, что несправедливо так ругать её друзей, что они, друзья, Риту любят. В маминых обвинениях было что-то очень неправильное, но она не могла понять, что именно. В горле стояла икота от рыданий, и она не могла вымолвить ни слова.

– Запомни, – продолжала кричать мама, – на свете нет хороших людей. А если они и есть, то не рядом с нами. К нам вечно какой-то сброд прибивается. Что ни человек, то сволочь. Отец хоть бы раз поинтересовался, как ты тут живёшь. Кому ты нужна? Никому ты не нужна! Прекращай реветь! Кому сказала? Вот уж бог ума не дал. Стыдно перед людьми за такую дочь.

Ей было нестерпимо больно осознавать, что она плохой и глупый ребёнок, и маме стыдно за неё перед знакомыми. Оставаясь одна, она плакала от горя и одиночества, перестала играть с ребятами, чтобы не расстраивать маму, но заставить себя плохо думать о своих друзьях не могла.

Однажды, гуляя одна во дворе, Рита нашла маленького котёнка, такого же одинокого и несчастного, как она сама. Она взяла его в руки и ощутила в своём сердце огромную нежность и любовь к нему. Она решила принести его домой и напоить молочком. А вдруг мама разрешит его оставить? И этот котёнок будет любить её. И ей будет не так одиноко, и станет немного легче жить.

Мама разрешила, и Рита, задыхаясь от любви и благодарности к ней, забыв все обиды и, как ей показалось в тот момент, недоразумения, бросилась к ней в объятия.

– Мамочка, спасибо, я тебя так люблю. Я буду ухаживать за котёнком. Он такой красивый. Он мурлычет.

На следующий день, когда Рита проснулась, котёнка в комнате не было.

– Даже котята от тебя сбегают, – сказала мама.

Рита бросилась во двор. Захлёбываясь слезами, она искала котёнка несколько часов. Обошла все дворы в округе, спрашивала у соседей, но котёнка и след простыл. Она чувствовала себя виноватой в том, что сделала что-то не так, и именно поэтому он сбежал. Мама права, её никто не хочет любить. Чтобы загладить свою вину перед котёнком, она взяла немного молока и хлеба из дома, и пошла к соседке по дому, тёте Вали, у которой было несколько кошек. Та разрешила ей покормить своих питомцев и погладить. За этим занятием её застала мама.

Это был самый страшный день в её жизни. Мама схватила её за ворот платья, силой привела домой и стала бить и ругать так, что сбежались все соседи.

– Дура, ты что, не понимаешь, что от кошек одна грязь? Что же это за наказание – такой невозможный ребёнок! Из дома молоко таскаешь? Ты ещё не знаешь, как деньги зарабатывают. Я всю жизнь работаю, обшиваю жирных да богатых тёток, а ты кошек кормишь!? Ещё раз зайдёшь к Валентине, выброшу из дома, как и твоего котёнка!

Рита проплакала всю ночь, а под утро приняла решение сбежать из дома, и найти такую семью, где её будут любить.

Однажды, как только мама пошла во двор за водой, Рита выскочила на улицу и, увидев в соседнем дворе знакомых людей, которые явно собиралась на море, подошла к ним с серьёзным намерением осуществить задуманное. Обратилась она, естественно, к мужчине, считая, что он в семье главный.

– Дядя Володя, можно с Вами на море?

– А мама тебя отпустила? – спросил взрослый дядя.

Рита ничего не ответила, а только, не отрываясь, смотрела на него. Говорить правду, что она хочет жить в его семье, было рано, а врать нехорошо.

– Пожалуйста, дядя Володя, возьмите. Мама ругаться не будет.

– Ладно, садись. Решим потом с твоей мамой. – И, обращаясь к жене, сказал, – Не могу отказать, когда на меня так смотрит ребёнок.

– Так нельзя, дорогой, – ответила женщина, – Надо предупредить Зою. Мы же далеко едем. До вечера не вернёмся.

– Ты что, мать её не знаешь? Да она и не заметит, – сказал мужчина, и, усадив Риту рядом со своей дочерью, завёл мотор и отправился в путь.

Для Риты это был настоящий день счастья: они играли в мяч, купались, загорали, а главное, смеялись. Дядя Володя называл их красавицами и принцессами. Она решила, что эта семья ей подходит, и вечером, когда они вернулись на свою замечательную улицу, осуществила задуманное.

– Дядя Володя, возьмите меня к себе жить. Пожалуйста. Вы же будете меня любить? И принцессой называть будете, правда?

– А почему ты не хочешь жить с мамой? Ты её не любишь?

– Я её очень люблю. Но она не верит, что я красавица и принцесса. Говорит, что я растолстею и буду, как корова. Но, дядя Володя, я не растолстею. Я вам обещаю.

Дядя Володя с удивлением посмотрел на Риту, не зная, как реагировать.

– Рита, надо спросить, согласится ли твоя мама отпустить тебя, – пришла на помощь жена дяди Володи, – Не на один день, как сегодня, а навсегда.

– Я с ней поговорю, – серьёзно пообещала Рита.

Зайдя в квартиру, Рита застала рыдающую маму в обществе милиционера.

– Доченька, господи, где же ты была? – бросилась к ней мама, – Я весь день тебя искала. Думала, украли тебя.

– Что же ты, красавица, так над матерью издеваешься, – вставил слово милиционер, – Да уж, Зоя Васильевна, не повезло Вам с дочерью. Непутёвая она у Вас.

– А это не Вам судить, – резко оборвала его мама, – Ступайте. Спасибо, что помогли.

Рита была счастлива, что мама заступилась за неё и первый раз в жизни назвала «доченькой».

Второй раз слово «доченька» Рита услышала лет в пять. Они с мамой гуляли по центральной улице города. Было тепло и солнечно. Они дошли до центрального парка культуры имени Горького на улице Ленина, когда по радио во всеуслышание объявили о смерти товарища Сталина.

– Господи, – сказала мама и заплакала, – Неужели тиран умер. Теперь наша страна свободна.

– Почему ты плачешь? – спросила Рита, – Тиран – это что, хороший человек?

– Нет, доченька, это я от счастья. Настрадались от него люди.

Вспомнилось, как люди на улице обнимали и поздравляли друг друга. В тот момент ей показалось, что яркое мартовское солнце засветило ещё сильнее. Возможно, это исключительно было связано с маминым восприятием события, а возможно, солнце и действительно порадовалось за советских людей.

Рита впервые услышала от мамы о том, что она счастлива. Обычно Зоя Васильевна сетовала на свою судьбу, говорила о том, что у неё нет никакой жизни, что денег не хватает, что ей надоели замужние счастливые женщины, которые шьют в их ателье бесконечные наряды, чтобы ублажить своих мужей. Настроение у неё поднималось только в те дни, когда она получала зарплату, аванс или алименты на Риту. В такие дни они могли устроить для себя праздник. Шли по магазинам, покупали конфеты, пряники, немного мяса, чтобы сварить борщ или сделать котлеты. И, даже, если после таких «разносолов» им приходилось садиться на вынужденную диету, и есть только хлеб с подсолнечным маслом или бутерброды с салом, в праздниках отказать себе Зоя Васильевна не могла.

Однажды, в один из таких дней, мама дала ей 3 рубля, и отправила купить батон хлеба, который в то время стоил копеек 20. Рита, как любая пятилетняя девочка, обожающая свою маму, решила сделать ей приятное, то есть, осчастливить, и сказала продавщице, что ей нужно хлеба на все деньги, которые она ей и протянула. Каково же было её удивление, когда перед ней выросла гора из пятнадцати батонов.

– Девочка, – спросила продавщица, – зачем тебе такое количество хлеба?

– Мы будем сухари сушить на зиму, – ответила, не растерявшись, Рита, и постаралась каким-то образом поместить всё это изобилие в свои руки. Ей на помощь пришёл рядом стоящий мужчина и, взяв все батоны, помог донести их домой.

Мама хохотала так, как будто перед ней выступал её любимый клоун Олег Попов. Весь хлеб она разнесла по соседям, а Рите не сказала ни одного плохого слова.

Ещё одно детское воспоминание было связано с чёрной икрой, которую они с мамой никогда не ели, и вкуса её она даже не представляла.

Когда настало время идти Рите в первый класс, мать определила дочь в школу, которая пользовалась самой плохой репутацией в городе.

– Не хочу позориться перед знакомыми и друзьями, – сказала она, – Все рассказывают о своих детях, какие они умные да хорошие, а мне даже похвастаться нечем. Ты у меня совсем никудышняя.

Такие слова в свой адрес вызвали обиду, боль в груди, слёзы и чувство вины перед мамой. Неужели она хуже других? Но чем?

– Мама, скажи, почему я плохая? Что мне сделать, чтобы я была хорошая, такая же, как все? Я хочу, чтобы ты мной гордилась.

– Отвяжись от меня. Куда тебе с твоими мозгами. Ничего из тебя путного никогда не получится, даже не старайся.

Школа, в которую её определила мама, находилась совсем рядом, в пяти минутах ходьбы от дома. Школа была семилетняя, знаний практически никаких не давала, и считалось, что учатся там одни бандиты из Бугудонии (самый бандитский район города). Так её и прозвали: «Бандитская школа».

К школе Рита подготовлена не была, читать и писать не умела, так как мама считала, что этим должны заниматься учителя, раз уж у них имеется высшее образование. Да и времени на такие «глупости» у Зои Васильевны не было.

Для Риты начиналась новая жизнь, в которую она вошла с убеждением, что является никчёмным, никудышним, никому не нужным ребёнком, не заслуживающим ни любви, ни дружбы. Ей было страшно идти в школу, страшно знакомиться с новыми девочками и мальчиками, страшно было услышать и от них, что она глупая и некрасивая. Но самое страшное было то, что, наверняка, никто из них не захочет с ней дружить, даже, как говорила мама, и бандиты.

Каково же было её удивление, когда среди своих будущих одноклассников, она обнаружила детвору со своей Греческой улицы. Она их знала с детства. Все они жили в соседних домах. Правда, она не дружила с ними, так как мама ей это запрещала. Остальные же ученики, которых она не знала, совсем не были похожи на бандитов. За несколько первых дней все очень быстро перезнакомились и подружились между собой. Все, кроме неё. Страх сковывал Риту, как только какая-нибудь девочка пыталась заговорить с ней. Она старалась быть как можно незаметнее, больше слушать и меньше говорить. Она очень боялась не понравиться им. Боялась, что узнав её поближе, они разочаруются в ней. И это будет очень больно.

С одной из одноклассниц, Лизой Нечаевой, они часто вместе возвращались из школы, и новая знакомая рассказывала ей о своей нелегкой жизни с матерью пьяницей. Девочка была вечно голодная и неприкаянная, так как её мать водила к себе домой таких же, как она сама, пьяниц мужчин и выгоняла дочь на улицу, чтобы та ей не мешала. А когда трезвела, то просила у дочери прощения, обнимала, целовала её и говорила, что любит свою доченьку больше всех на свете. В такие редкие для неё дни Лизу невозможно было узнать: она вся светилась от счастья, и рассказывала Рите, что мать любит её и что она для неё самый главный человек на свете. Но уже на следующий же день, девочка приходила в школу с заплаканными глазами, не выспавшаяся и опять несчастная. Именно Лиза стала для неё тем человеком, таким же одиноким и несчастным, как и она сама, с которым было не страшно высказывать свои мысли, делиться своими страданиями, а главное, быть кому-то нужной и полезной. Об этой дружбе маме она ничего не говорила, боясь очередного скандала. Тайно она приводила Лизу к себе домой и кормила её тем, что было в доме, тайно гуляла с ней вечерами возле дома, когда мама задерживалась на работе. Другие девочки из более благополучных семей, явно любимые и матерями и отцами, судя по их рассказам, пугали её своей уверенностью и веселым нравом.

Через несколько месяцев после начала занятий она, как обычно, съела во время перемены свой неизменный сухарик, которым её снабжала ежедневно мать за неимением денег на школьные разносолы, и вышла из класса. Конечно, она не наелась, и именно поэтому, набравшись храбрости, подошла к буфету, чтобы посмотреть, чем питаются школьники.

– Девочка, как тебя звать? – спросила буфетчица, заметив её заинтересованный и, видимо, голодный взгляд.

– Рита, – ответила она, покраснев от стыда за своё желание.

– Почему же я тебя здесь никогда не видела раньше?

– Я не голодная. Мне мама даёт с собой еду.

– Давай я тебя угощу чем-нибудь вкусненьким? Что ты любишь?

– Хлеб с маслом, – Рита растерялась от внимания незнакомого человека, и сказала первое, что пришло ей в голову.

– Ешь на здоровье, красавица, – ласково сказала женщина и протянула бутерброд с маслом, намазанный сверху чёрной икрой.

– Спасибо, – ответила она, и, взяв бутерброд, выбежала во двор. Попробовав икру, Рита поняла, что есть её совершенно невозможно. Аккуратно соскоблила её с масла, выбросила, а всё остальное съела с большим удовольствием.

Вечером Рита попыталась рассказать маме, что её угостили чёрной икрой, которая оказалась совсем невкусной, да ещё и назвали красавицей.

– Ну почему ты мне всё врешь! – закричала мама, – Откуда в школе может быть чёрная икра?

– Я никогда тебя не обманываю, мама. Ну почему ты мне не веришь?

– Да потому, что ты вся в отца. Он вечно врал, и ты туда же, – был ответ.

Видимо, думала Рита, маму в жизни так часто обманывали, что она не верила никому и никогда. Даже собственной дочери. Рите приходилось достаточно часто убеждать мать в том, что она говорит правду или оправдываться перед ней, доказывая, что ничего плохого она не совершила. Со временем, это вошло у неё в привычку, а затем и в черту характера. Не самую, можно сказать, достойную для любой личности. Возможно, у мамы это была определённая форма защиты перед людьми и перед жизнью, которую она не понимала и боялась. Как часто слышала Рита от неё удивительную фразу, которую запомнила на всю жизнь:

– Где бы мне найти такого умного человека, который бы мне объяснил, что такое жизнь и как правильно надо жить. Ничего я не понимаю в ней. Всё время душа болит. Всё время чего-то боюсь. Как же я несчастна.

Боялась она и за Риту. Напротив их дома, через дорогу, находились разрушенные во время войны дома, где местная детвора умудрялась играть в казаки – разбойники, не думая о том, что в развалинах могли сохраниться неразорвавшиеся мины и бомбы. Судьба, видимо, берегла детей. Однажды, один из ребят, случайно, попал Рите камнем в локоть. Больно не было, но ощущение, что через всё тело пропустили электрический ток, напугало так, что она верещала, как сирена. Сбежались все взрослые. Среди них была и Зоя Васильевна. Это надо было видеть. Бедный мальчик. Хорошо, что она не смогла его догнать. Ему бы точно не поздоровилось. Мальчиком этим был Алик.

После истории с милиционером, который назвал её «непутёвой», Рита оставила попытку сбежать из дома. У неё появилась слабая надежда, что мама её любит. И она решила, во что бы то ни стало, заслужить настоящую, сильную любовь. Именно с тех пор Рита слушалась маму во всём, и старалась сделать всё возможное, чтобы та стала немного счастливей, порадовать её, угодить ей.

Рита очень рано стала читать книги. Вначале, в первых классах школы, были сказки, затем пошла фантастика, на которой она не остановила надолго своего внимания, затем появились книги Джека Лондона, Марка Твена. Но чтение книг вызывало у матери раздражение.

– Опять роман читаешь? Нашла, что читать! Ничему хорошему там не научишься. Один разврат везде, больше ничего. Завтра же выброшу все книги. Мне от них дышать нечем, – говорила она, – только пыль собирают, больше от них никакого толку нет.

Мама выбрасывала, вернее, относила книги в сарай, где хранились дрова и уголь для растопки печки. Именно там Рита и стала читать книги, когда мама была на работе. Однажды ей случайно попала книга Сомерсета Моэма «Луна и грош». Её настолько впечатлила жизнь великого Поля Гогена, что следующим увлечением стали все художники и их кар-

тины. Захотелось и самой попробовать. И она стала рисовать лица людей. Лиц было много, и все они были разные: курносые, голубоглазые, с греческим профилем, с разным поворотом головы, с хвостиками и косами, горделивые и улыбчивые, но всегда неизменно красивые. Они поселялись в её альбомах для рисования и начинали жить своей жизнью. Рита почти на каждую «девушку» и «юношу» сочиняла историю или сказку, и записывала её в этот же альбом, с другой стороны портрета.

ОДНА ИЗ СКАЗОК

По берегу моря шёл рыбак с маленьким сыном. Вдруг они увидели девочку, которая лежала на песке у самой воды. Они подошли к ней и спросили, как её зовут, откуда она и как здесь очутилась.

У девочки были огромные голубые глаза и оранжевые волосы. И вся она была необыкновенно красивая и нежная.

– Я с другой планеты, – ответила, поднявшись с песка, девочка, – Мой корабль упал в море, а я чудесным образом спаслась.

– А почему ты разговариваешь на нашем языке? – спросил мальчик.

– Потому что я Принцесса. Мой папа говорил, что Принцессы должны всё уметь делать. И я выучила ваш язык, пока летела на корабле. Это было очень легко сделать, потому что ваш язык очень простой и звучит как музыка.

– А я сын рыбака. И тоже всё умею. Хочешь, я поймаю тебе Золотую Рыбку и она выполнит все твои желания.

– Нет, не хочу, чтобы ты ловил рыбку. Мне её будет жалко, потому что рыбки не могут жить на воздухе. И она умрет.

– Хочешь, я сам исполню твои желания? Скажи, что бы ты хотела? – спросил мальчик.

– Мне сейчас негде жить и никто меня не любит. Я хочу жить в своём доме и чтобы меня любили. Но я обязательно сама что-нибудь придумаю, – гордо ответила Принцесса.

– Пойдем с нами, – предложил юный рыцарь, – У нас есть дом и мы будем тебя любить. Правда, папа? Ты согласен?

– Такую красивую и добрую Принцессу я готов приютить в нашем доме, – ответил Рыбак.

– Почему Вы решили, что я добрая? – удивилась девочка.

– Но ты же пожалела Золотую Рыбку, – в один голос сказали отец и сын.

– Вот видишь! – воскликнула Инопланетянка, обращаясь к мальчику, – Как быстро я всё придумала! У меня есть дом, и вы будете меня любить! Значит, я буду счастлива! Мне и мой папа Король говорил, что на вашей планете все очень счастливы!

И они отправились втроём в дом Рыбака. Они жили долго и счастливо, а когда Мальчик и Принцесса подросли, то они сыграли свадьбу, и у них родился сын.

Вот и сказке конец.

Когда портретов стало много, Рита стала рисовать кукол в полный рост, чтобы, вырезав их из картона, можно было придумывать им необыкновенные наряды из тонкой бумаги. Ей было интересно самой выбрать фасоны и расцветки платьев. Потом кукол, с целым пакетом нарядов она дарила знакомым девочкам и была несказанно счастлива. Когда мама заставляла её за этим занятием, то всегда ругалась.

– Опять в куклы играешь? Голых всё рисуешь? Не стыдно тебе? Прекрати немедленно пакостью заниматься.

– Мама, они не голые. Они в купальниках, – пыталась оправдаться Рита.

Однажды, придя из школы, Рита не нашла своих альбомов с портретами и сказками.

– Я их сожгла, – сказала мама, – в печке. Растопить нечем было.

Ей было жаль своих кукол и красивые лица своих Принцесс, которые были ей родными и близкими. Она представила, как им, наверно, было больно от пламени, и заплакала.

– Если хочешь научиться рисовать, иди в изостудию. Если хочешь что-то сделать хорошо, этому надо учиться, – смягчившись, добавила мама.

Прорыдав весь вечер от такого жестоко поступка, Рита набралась храбрости и на следующий же день пришла в дом пионеров, где можно было брать уроки рисования. Сидеть часами над какой-то глиняной вазой, чтобы передать форму, свет и тени, ей было скучно и неинтересно, и она быстро исчезла из изостудии вместе с желанием стать художником.

Однажды, мама, глядя на Риту, сокрушённо сказала:

– Ну до чего же ты толстая и неуклюжая. Никакой женственности. Ходишь, как лошадь. Туп-туп, туп-туп. Да и откуда ей взяться, этой женственности, если едим только картошку да макароны. Не то, что богатые да знатные. Те ложками, небось, чёрную икру едят да спортом занимаются. Ко мне такие красотки обшиваться приходят! Загляденье! И все при мужьях. Рассказывают, как те их балуют, да по курортам возят. Бог с ней, с икрой. Пережить можно, в вот спорт – великая вещь. Завтра же иди в Дом Пионеров. Может, кто и возьмёт тебя в спортивную секцию. Хоть человеком станешь. А то вечно болеешь, да рисуешь своих уродов.

Там же, в доме пионеров, был кружок танцев. Посмотрев на неё внимательно, педагог сказал, что если она избавиться от щёчек, похожих на сдобные булочки, и лишних килограммов, то он с большим удовольствием попробует из неё сделать что-нибудь путное.

– Мама, – сказала вечером Рита, – я записалась в кружок танцев.

– Неужели? Хоть поменьше своих романов читать будешь. Интересно, какой идиот тебя принял. Не иначе, старый развратник. И что, там и мальчики есть?

– Нет, у нас в группе только девочки. И педагог молодой.

– Смотри мне, увижу с мальчиками, выдеру, как сидорову козу.

Рита несколько дней питалась одной простоквашей, приготовленной лично мамой. О жареной картошке и макаронах пришлось забыть. А хрустящие пирожки с ливером, которые Рита очень любила и иногда покупала в мясном магазине, старательно обходила стороной.

Появившись через десять дней перед педагогом, она услышала одобрение в свой адрес, и была принята в кружок танцев.

Эдуард Васильевич, как оказалось, известный на весь город, сердцеед, не устал повторять юным девушкам, что балерины и танцовщицы способны вскружить голову любому мужчине. Рассказывал истории о любви некоторых царей к известным особам, блистательно выступавшим на сцене Большого театра в Москве, говорил об Авдотье Истоминой – русской Терпсихоре, из-за которой дрались на дуэли, а Пушкин посвятил ей известные строки в «Евгении Онегине». Девушек это, естественно, подстёгивало, особенно, когда они, часами, облачившись в шерстяные трико, проделывали одни и те же па или пируэты.

– Чем большее количество пируэтов вы будете совершать, – не устал повторять Эдуард Васильевич, – тем большее количество юношей в вас будет влюбляться.

О мальчиках Рита боялась, даже и думать, особенно после одной истории, которая произошла в восьмом классе.

В новой школе, куда мама перевела её после окончания «семилетки», у Риты появилась подруга, Люба Таран, – самая незаметная и скромная девочка в классе. Она была очень молчаливой, часто краснела, держалась обычно в стороне, но иногда, раза – два в месяц, становилась центром внимания. Это происходило в те дни, когда она приносила в класс огромные куски настоящего, неплиточного, шоколада, который производила местная кондитерская фабрика, исключительно, для лётчиков советской авиации. Люба угощала всех желающих, а желающих было много. Её родители, работающие на фабрике, иногда позволяли себе выносить редкие сладости, которые невозможно было купить в магазинах, да, и если честно, то и не на что.

В тот день у мамы был день рождения. Люба, взяв с родителей слово, что они принесли большой кусок шоколада в подарок Зое Васильевне, предложила Рите зайти за ним к

ней домой, что та и сделала. Взяв огромный сладкий подарок, она счастливая шла домой, радуясь, что сделает маме приятное.

Вернись она домой раньше на 15 минут, ничего бы не произошло. Но мама с работы пришла раньше неё. Было три часа дня.

– Ты где была? – раздражённо спросила мама, – Почему так поздно?

– Я к Любе зашла за шоколадом. Тебе её родители передали. Вот, возьми. Они тебя с днём рождения поздравляют и желают счастья, – тихо сказала Рита, испугавшись маминого тона. Она протянула кусок шоколада, обернутого папиросной бумагой.

– Опять врешь! – закричала мать, – Шляешься невесть где, а Любой хочешь прикрыться!? Ах ты, сука такая бесстыжая! Наверно с мальчиками по углам да задворкам обжималась! Мала ещё юбки то задирать перед ними. А, может, уже вместе с Любой по мальчикам бегаете!? Я пойду в школу и всё всем расскажу, какая у меня дочь, и как ты мать обманываешь и с мальчиками гуляешь! Я всё расскажу, перед всем классом! Чтобы и другим неповадно было! Господи, да за что же мне такое наказание! Что за дочь мне Господь послал! Стыда на тебе нет! Мать бы пожалела. Я же тебе всю жизнь отдала, а ты, неблагодарная, что делаешь? И это в 14 лет! А если ещё хоть раз твой Алик к нам зайдёт, я его с лестницы спущу, так и знай! Тоже мне, ухажёр выискался! Такое же ничтожество, как и все остальные! А всё туда же, любовь ему подавай! Ты думаешь, я ничего не вижу? Именно поэтому на танцы ходишь? Чтобы задницей вертеть перед мужиками? Запрещаю! Дома сиди!

– Мама, ну что я опять не так сделала? – заплакала Рита, – Ты же сама говорила, что мне надо спортом заниматься. Я и болеть реже стала. Ну не берут меня в спортивные секции. Говорят, что я слабая. Ну, пожалуйста. Не запрещай. Мне очень нравится танцевать. Я не встречаюсь ни с кем. И с Аликом вижусь только во дворе.

– Ладно. На танцы ещё походи. Но если рядом хоть одного парня увижу, из дома выгоню. И так перед людьми стыдно за тебя, так не хватало ещё, чтобы дочь гулящей называли.

Именно с тех пор и повелось: стоило Рите задержаться в школе, или мама заметит, что какой-то мальчик её из школы провожает, или домой пришла от подруги чуть позже 9-ти вечера, начинались скандалы, доводившие Риту до истерики, до икоты. Оскорбления, которые сопровождали скандалы, были грязными, унижительными и несправедливыми. Душа сжималась от страха, голова начинала нестерпимо болеть, руки и ноги слабели, она пугалась, что сейчас умрёт от горя, просила прощения, не известно за что, и умоляла маму поверить ей. Зоя Васильевна успокаивалась... до следующего скандала. А у Риты голова и сердце продолжали болеть ещё два-три дня, да так сильно, что невозможно было пошевелиться. Приходилось вызывать врача, выписывать больничный, пропускать школу. Диагноз ставился один и тот же: вегетососудистая дистония и сердечная недостаточность.

Через два года произошло событие, круто изменившее всю её жизнь.

У Риты была мечта. И появилась она лет в 10, когда они с Зоей Васильевной отправились в гости к её сестре в Москву. Поездка была неудачной для Риты, так как после посещения ГУМ-а, она заболела страшнейшим гриппом и пролежала в постели с высокой температурой несколько дней. Она запомнила только этот удивительный магазин, похожий на дворец, и дала себе слово, что будет жить только в Москве и нигде больше.

Её мечта, то есть, переезд в Москву, стремительно приближался. До окончания школы оставалось чуть больше года, и вдруг, по трагическому стечению обстоятельств, Рита очень сильно заболела.

Ранней весной, во время уроков, они всем классом пошли на прогулку к морю. Азовское море тёплое, рано начинает таять. Возле берега плавали большие льдины.

– Кто смелый и хочет прокатиться на льдине, за мной! – крикнула Екатерина Андреевна, учительница по географии, и первая прыгнула на лёд.

Осмелились практически все. Рита, боясь заболеть, и, конечно же, что мама будет её ругать, на льдину не прыгнула. У некоторых ребят в руках были длинные тонкие палки, которыми можно было отталкиваться от берега. Было весело и не страшно: море возле берега было очень мелким и все это прекрасно знали. Мелкое то оно мелкое, да вода в нём ледяная. И лёд оказался очень тонким. Не выдержал целого класса и треснул. Все без исключения оказались в воде. Некоторых накрыло льдиной. Только тогда Рита бросилась в море, чтобы помочь тем, кто не мог сам справиться и выйти на берег. Все люди, которые гуляли на берегу, бросились на помощь ребятам.

Они все умели плавать. Выплыть не все смогли. Одна девочка погибла. Это была страшная трагедия.

Дома был грандиозный скандал.

– Ты неблагодарная тварь, такая же, как твой отец. Я весь день готовлю, стираю, убираю, хожу на работу, кормлю тебя, забочусь о тебе, всем угождаю. И что получаю взамен? Одни неприятности от тебя! Какого чёрта ты полезла на льдину? За каким-нибудь мальчиком прыгнула, наверно? Всё ей любовь подавай, соплячке?! Хочешь гулящей вырасти? Такой же, как папочка твой, старый кобель, хочешь стать? В гроб меня загнать хочешь, бессовестная!? Людям стыдно в глаза смотреть! Интересно, чем это вы там, в школе ещё занимаетесь? Наверно, только в любовь играете, вместо того, чтобы учиться? Конечно, кругом одни сволочи.

– Мама, я не каталась на льдине, честно. Я боялась, что заболею. А потом, да. Я прыгнула в море, чтобы ребятам помочь, – пыталась оправдаться дочь.

– Нечего меня обманывать, всё равно не поверю, что ты не побежала за всеми, – не унималась мама, – Какой из тебя спасатель? Спасала она.

Потом был суд. Екатерину Андреевну приговорили к десяти годам тюрьмы. Рита на суд пойти не могла, так как лежала в больнице. Диагноз был не утешительный: ангина с осложнением на сердце.

Мама взяла свою волю в кулак, наскребла где-то денег, и повезла на Чёрное море восстанавливать здоровье своей непутёвой дочери. От Риты за время болезни остались только кости да кожа. О танцах, как сказали врачи, ей нужно было забыть на всю оставшуюся жизнь. И не только о танцах. Такое больное сердце нельзя нагружать ни учёбой, ни тяжёлой работой, ни, тем более, иметь детей. Но это они так решили, не она. Рита сдаваться не собиралась.

С первых же дней на море, она вставала в шесть утра и шла на пляж. Тишина, зеркальное море, ни ветерка, мягкое солнце, и скелет, пытающийся танцевать на песке. Не хотелось верить ни врачам, ни болезненным ощущениям в сердце. У неё была мечта, и она должна была осуществиться.

И мечта заключалась не только в том, чтобы жить в Москве, но и учиться в МГУ. И только на факультете журналистики. Чтобы стать журналистом, надо иметь обоснование. И оно у неё имелось: школьные сочинения по литературе считались лучшими в классе и отправлялись на все конкурсы, зарабатывая призы для её любимой школы. Учительница русского языка часто зачитывала Ритины сочинения вслух, не переставая повторять, что «краткость – сестра таланта».

И только Зоя Васильевна, слыша от дочери, что очередное сочинение заняло призовое место, возмущалась.

– Неужели учителя не видят, что ты, наверняка, всё списала с книг? Они сами ничего не знают. Их ты можешь обмануть, а меня-то не обманешь.

«Спасибо за поддержку», – думала Рита, но вслух никогда не произносила ни одного возражения. Ей не хотелось, чтобы мать хоть когда-нибудь коснулась её будущей работы. Ни в какой ситуации. Лучше ей ничего об этом не знать. А ещё, и, пожалуй, это было самое главное, доказать матери, что она на что-то способна.

Больше двух недель на море провести они не могли. У мамы накопились долги, которые надо было отрабатывать. И она, впервые в жизни, вместо отпуска, согласилась поехать в пионерский лагерь поработать: вести кружок «Умелые руки». Согласилась при условии, что Риту разрешат, бесплатно, взять с собой. Разрешили.

Риту определили в отряд, где были 16-летние девочки. Первое время всё было относительно спокойно и скандалов не было. Рита радовалась наступившей передышке, общению со сверстницами, морю, прогулкам по лесу. Лето было жарким, поэтому на море отрядами ходили по три раза в день. Однажды, вернувшись с моря, все решили в «тихий час», который являлся в лагере обязательным, не спать, а почитать интересную книгу. Воспитательница отряда разрешила и, оставив их под присмотром Риты, которая была старше всех на целый год, ушла по своим делам. Книга была выбрана. Читать стали тихо, чтобы не разбудить тех, кто, всё-таки, решил поспать. Но, поскольку, некоторым девочкам, чьи кровати находились далеко от Риты, было плохо слышно, они перебрались поближе, устроившись, кто как мог. Рита читала с выражением, меняя голос, в зависимости от героев романа. Всем было интересно. Стояла удивительная тишина. На душе было светло и радостно – ведь она помогала воспитательнице, которая, скорей всего, скажет маме, какая у неё отличная дочь.

Никто не заметил, как в палату осторожно вошла Зоя Васильевна, и какое-то время оставалась стоять у двери. Когда раздался её голос: «Рита, выйди-ка быстро ко мне. Мне надо с тобой поговорить», все вздрогнули.

Рита, передав книгу той девушке, которая вызвалась продолжить читать, вышла на улицу. То, что она услышала от матери, не поддавалось её пониманию. Даже её любимый Достоевский не смог придумать такого.

– Ты что меня позоришь!? Ишь, разлеглась перед соплячками. Ты что, лесбиянка? То то, я смотрю, ты с мальчиками не встречаешься, всё бегаешь от них. Теперь понятно почему! Значит, тебя девочки привлекают? Соблазняешь их, а сама делаешь вид, что читаешь?

Что такое «лесбиянка», Рита не знала, но по тону и по тому, какие оскорбления посыпались в её адрес, она поняла, что это такое, и в чём её подозревают. Она привыкла оправдываться перед матерью за незаслуженные оскорбления, надеясь хоть немного успокоить её и ускорить окончание скандала. Но сейчас она не находила слов. Горло сдавил спазм, стало страшно от надвигающегося скандала и от сознания, что кто-то услышит эти ужасные, не поддающийся никакому пониманию, обвинения матери в её адрес. К горлу подступила тошнота и её вырвало.

Настроение упало, сердце заболело, хотелось выть от боли и обиды. Ничего не изменилось и не изменится никогда. Никогда она не сможет заслужить любовь матери, никогда и никто не полюбит и не поймёт её. Никогда она не сможет вести себя так, чтобы не огорчать мать. Но как же это, всё-таки сделать? Неужели она такая отвратительная? Надо покончить с этим.

Рита побежала к морю и остановилась у высокого обрыва. Сейчас, сейчас она покончит с этой жизнью раз и навсегда. Мама больше не будет расстраиваться из-за её ужасного поведения, не будет краснеть перед коллегами по работе за свою никчёмную дочь и, наконец, закончатся оскорбления, унижения и оправдания перед мамой. Закончится всё. Закончится, не успев начаться? Как же так? Зачем же она появилась на этот свет? Рита посмотрела вниз... Страшно прыгать. А ещё страшней жить, когда ни одна душа тебя не любит, когда собственная мать обвиняет тебя во всех грехах, когда ни от кого никакой поддержки. Она сделала шаг в пустоту, вытянула вперёд руки, и увидела...

Две стрекозы, объединившись в одно целое, плавно опустились к ней на руку.

– Вы, наверно, счастливые? – спросила Рита, и слёзы потекли из её глаз, – Вас двое. А я одна.

Стрекозы смотрели на Риту, как будто понимали то, о чём она говорит.

– Господи, есть ли на свете хоть один человек, который полюбит меня? Где же ты? Где ты, мой друг? – взмолилась Рита сквозь слёзы, – Найди меня! Пожалуйста! Я тебя узнаю! Я душой почувствую, что это ты! Нас разлучили с тобой! Давно! Сотни лет назад! Поэтому болит моя душа! По тебе болит душа! Без тебя болит душа! Найди меня! Прошу тебя! Дай мне свою любовь! Согрей мою душу! Мне одиноко без тебя! Я обязательно дождусь тебя! Дождусь твоей любви. Мне без этого не жить. Поверь.

Рыдания душили её. Нет, она не покончит жизнь из-за матери. Она должна понять. Должна понять, кто она такая, узнать себя. И это её главная задача. Да, конечно, надо набраться терпения. Ещё немного и она уедет. Она уедет в Москву. Во что бы то ни стало.

Рита немного успокоилась, вытерла слёзы, поблагодарила стрекоз за своё спасение, и медленно пошла в лагерь. Возле ворот её окликнули.

– Девушка, скажите, пожалуйста, где я могу найти Вашу маму?

Рита вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял молодой мужчина с мольбертом. Она его сразу же узнала. Это был художник, живущий в деревне рядом с лагерем.

– Зачем Вам моя мама?

– Хочу попросить у неё согласия написать Ваш портрет. У Вас настолько необычная внешность, что пройти мимо такой красоты мой талант не в состоянии. Так где же мне её найти?

– Это невозможно. Уходите. Пожалуйста. Прошу Вас. Не подходите ко мне, слышите! Я не соглашусь! Никогда!

– Зачем же так кричать? Вы что, сумасшедшая? Чем я Вас так обидел?

– Вы меня не обидели. Если Вы скажете маме, она мне этого не простит и устроит скандал. Она очень строгая.

– Милая девушка, но в этом нет никакого преступления – написать Ваш портрет. Вы ошибаетесь на счёт своей мамы. Разрешите мне хотя бы попробовать.

– Нет, нет и нет. Вам не понять. Прощайте.

Вечером она видела, как молодой человек, подошёл к матери, и долго разговаривал с ней.

На следующее утро, перед завтраком, Зоя Васильевна подошла к Рите и сказала:

– Голой собралась позировать? Убью, слышишь меня? Убью тебя, если он ещё хоть раз ко мне подойдёт. Уж лучше в тюрьме сгнить, чем от стыда сгореть за собственную дочь. Тоже мне, красавицу нашёл.

Рита ещё несколько раз видела молодого человека с мольбертом, но он держался в стороне, не подходил к ней, но, однажды, она случайно заметила, что он её фотографирует.

У матери был в этот час урок кройки и шитья. Видеть Риту она при всём желании не могла. Именно поэтому, девушка, поборов смущение, подошла к художнику, и, глядя ему в глаза, задала вопрос.

– Скажите, что Вы хотите от меня? Я же вижу, что Вы преследуете меня, фотографируете. Зачем?

– Ваша матушка не менее сумасшедшая, чем Вы. Написать Вас хочу. И напишу. Не привык отступать. Не желаете позировать, так я так, по памяти. Ещё и фотографию Вам пришлю. Вы ещё и благодарить меня будете, что я Вас прослаблю на весь мир. Я, между прочим, гений. Запомните, моя фамилия – Рублёв.

– Ваша фамилия давно прославлена, – ответила Рита.

– Да, я его потомок. Только я не пишу иконы. Я пишу образы.

– И какой образ Вы хотите написать с меня?

– Потом узнаете. Одно скажу: у Вас с ней глаза одинаковые. Чёрные и страстные. Больше ни слова. Даже не просите. Я Вам в письме фото пришлю. Мир не без добрых людей.

Так что адрес Ваш я уже знаю, королева Марго. Прощайте, дорогая Ковальская. И запомните: Вы так прекрасны, что не должны принадлежать одному мужчине.

– Вы – сумасшедший? – возмущённо спросила Рита.

– Мы оба. Мы оба сумасшедшие. И мой Вам совет: бегите от матери, пока она Вас совсем не уничтожила. Ни слова больше. Прощайте.

Через неделю закончилась последняя смена в лагере, и Рита с матерью вернулись домой. До окончания школы оставался ровно год, и Зоя Васильевна решила, что пора задуматься о будущей профессии дочери.

– Значит так, – начала она свой разговор, – Пора тебе научиться шить. Пойдёшь после школы работать ко мне в мастерскую. А пока, вот тебе журнал «Крестьянка» с выкройками, мой старый сарафан, и старая машинка «Зингер». Знал отец толк в товарах. Будешь самостоятельно учиться шить. Через год закончит твой отец платить алименты, и мы с тобой зубы на полку положим. Придётся и тебе деньги зарабатывать. Не одной же мне всю жизнь батрачить. Не только ногами надо уметь дрыгаться, но и руками что-то научиться делать. Дерзай!

Несмотря на то, что машинке было лет пятьдесят, работала она исправно. Правда, до машинки дело не дошло. Рита раскроила платье из маминого сарафана, примерила и забросила. Мать на всё это «рукоделие» посмотрела, и сказала гениальную вещь:

– Не умеешь, не берись. А уж если взялась, доведи до конца. Не научишься сейчас, так неумехой и останешься.

Неизвестно, откуда шли корни этого слова, но «неумехой» Рите оставаться на всю жизнь не хотелось. Пришлось научиться, и, промучившись несколько дней, Рита превзошла все мамины ожидания. Платье, которое она сама себе сшила, сидело идеально.

– Прекрасно, – впервые за всю жизнь, похвалила её мать, – Ты выглядишь не хуже наших Таганрогских модниц, которые в Москву за нарядами ездят. Я подумываю уйти из мастерской. На дом работу буду брать. Сейчас многие хотят иметь личных портних. Нынче хорошая портниха считается, чуть ли не элитой города. Хочется немного элитой побыть. От меня будет зависеть красота моих заказчиц, их успех у мужчин, а, следовательно, что? Их счастливая семейная жизнь. Уж я постараюсь. А ты на моё место пойдёшь. Побатрачишь немного. С твоим здоровьем в самый раз: в тепле, да сидя. Хватит мне за копейки работать. Твоя очередь.

– Но, мама, я хочу учиться дальше, – пыталась возразить Рита.

– Что? Учиться? С твоими мозгами? Это всё иллюзии. Не строй их, пожалуйста. Жить на что будем? Иллюзиями твоими питаться?

Иллюзии... Рита давно их не строила. И никому бы этого не пожелала. Ещё полгода назад она считала, что у неё есть настоящая подруга – Люба. Но однажды...

По школьной программе они тогда проходили «Войну и Мир». Книг в школьной библиотеке на всех не хватило, и Зоя Васильевна, на свой страх и риск, взяла огромную новую книгу Толстого у своей знакомой, с заверениями вернуть через месяц без единой пометки. Книга была уникального издания и очень дефицитная.

Книгу Рита не испачкала. Не успела. Она исчезла. Больше всего Рита переживала за мать: как же ей не повезло с такой дочерью, и как Зоя Васильевна будет объясняться со своей знакомой. На очередном уроке литературы Рита подняла руку, и попросилась к доске. Обсуждался образ Наташи Ростовой.

– Рита? – удивилась учительница, – Интересно услышать твоё мнение о Наташе.

Она вышла к доске, и, обведя класс долгим, внимательным взглядом, тихо произнесла:

– Образ Наташи Ростовой, лично у меня, ассоциируется с Евой, женой Адама. Идеальная женщина во всех отношениях. Любит того, кого ей Бог послал, дорожит семьёй, мужем и домом. Но я хочу сказать не об этом. Ребята. У меня пропала книга. «Война и Мир». Про-

пала здесь. В классе. Я хочу, чтобы мне её вернули. Сейчас. Если её не будет через минуту на моей парте, я иду к директору и прошу его вызвать милицию.

В классе наступила тишина. Ещё бы! Ведь это был не первый случай воровства. Они часто говорили об этом, но никого не хотели подозревать. Их класс был достаточно дружным.

Рита обводила взглядом всех. Никто не опускал глаз. Никто. Кроме Любы. Её подруга покраснела, медленно достала из портфеля книгу и положила на парту. Книга была без обложки.

Им предстояло учиться вместе ещё полтора года. Она никогда не разговаривала больше с Любой. Простить такое предательство было невозможно. Иллюзии.... Ей иллюзии не нужны. После них бывает очень больно.

Маме пришлось всё объяснить. Риту она не поругала, конечно. Не за что было. Но, как всегда, сказала свою излюбленную фразу:

– Хоть и говорят, что русская душа широкая и прекрасная, я мало порядочных людей встречала в своей жизни. Сволочи все кругом.

Спорить с мамой бесполезно, да Рита и не пытается. Только скандал будет, ничего другого.

Глава 5. Издательство

Рита проснулась, как всегда, рано. Да и ночью не спалось. Она слышала, как мать плакала. Горько, тихо, и отчаянно. Понятно, что это из-за Виктора. Рита несколько раз видела, как он приводил в дом высокую блондинку, щербатую и некрасивую. Мать рядом с ней просто королева, хоть и старше лет на десять. Отношения, видимо, у них разлаживаются, и это после 15 лет любви. Рите сейчас понятно, почему мама редко ночевала дома, а тогда, в детстве, была только боль. Виктор жил в соседней квартире за стеной. Жил с мамой, Беллой Антоновной. Их огромная комната была разделена на две половины. Они могли это позволить себе, так как комната была угловой, и имела три окна. Условия были такие же, как у всех в этом районе: колонка во дворе, умывальник в комнате, ночной горшок за дверью. Утром – длинная очередь из жителей дома в «место общего пользования», и у каждого ведро с помоями. Мыться ходили в баню раз в неделю. Это было дорогое удовольствие, да и времени занимает много, считай, полдня на это уходит. Каждый день не находишься.

После вчерашнего разговора с мамой о том, что ей надо остаться здесь, в родном городе, и работать «белошвейкой», невозможно было сомкнуть глаз. Замучили воспоминания. А стрекозы, которые спасли ей жизнь? Неужели для того, чтобы продолжать жить, как и раньше? Слышать оскорбления, упрёки, унижения. Оправдываться и постоянно чувствовать себя виноватой. По-прежнему сторониться ребят, ходить в кино только с мамой, бояться принести букет цветов после концерта. Один раз осмелилась, и тут же поступила реплика:

– Что, от ухажёра цветы? Думаешь, зачем ты ему нужна? Переспит, и бросит. На большее не рассчитывай. Меня все бросали, и тебя будут бросать.

Мама один раз за всю жизнь похвалила. За работу. Значит, надо работать. Надо найти такую работу, которая в будущем поможет стать журналисткой.

– Я найду работу в издательстве, – вслух произнесла Рита, и услышала стук в дверь.

На пороге стоял почтальон и держал огромный пакет.

– Вы будете Маргарита Ковальская?

– Я, – удивилась Рита, – Что это?

– Вам заказное письмо, вернее, даже, бандероль. Распишитесь, пожалуйста.

Рита, после ухода почтальона, долго сидела, глядя на огромный плоский пакет, боясь раскрыть его. Потом опомнилась, что может опоздать в школу, взяла решительно ножницы, и вскрыла пакет.

На стол выпали две огромные фотографии. На одной была изображена девушка в полупрозрачном одеянии во весь рост, а на другой – только лицо всё той же девушки. Приглядевшись, она поняла, что это снимок с картины. Внизу стояла подпись: Рублёв. На обороте фотографии во весь рост она обнаружила слова: «Авдотья Истомина – русская Терпсихора». На фото, где было только лицо, было написано одно слово: ТЫ. Крупными буквами. Никакого письма или записки в пакете не было.

– Сумасшедший художник, ты что сотворил? – спросила она Рублёва так, как будто он мог слышать её, – Похожа. Но это не я. Мои волосы, губы, глаза, фигура. Всё моё. Но это не я. Выражение лица не моё, характер не мой, а глаза? В них можно утонуть. Я, тоже, когда-то рисовала лица. Конечно, у меня нет такого таланта, как у Вас, художник Рублёв. Господи, сколько в этом взгляде смелости, страсти, насмешки. Милая Истомина, Вам можно только позавидовать. Мне бы стать такой. Смелой и свободной.

Рита, взглянув на часы, убрала фотографии в пакет, положила его под матрац, и, захватив книгу о жизни Ван Гога, побежала в школу.

Несколько дней подряд Рита ходила по всем редакциям города, прихватив с собой несколько школьных сочинений. Она, смущаясь и краснея, пыталась донести до секретарей, что хочет работать журналистом в их газете, и просила проводить её к главному редактору. На неё смотрели, как на снежного человека, спустившегося с горы Арарат, а оглядев с ног до головы юную девушку в школьной форме с фартуком, они неизменно отвечали, что в их практике не было ещё случая, чтобы детей принимали на такую ответственную работу, даже внештатно, и отправляли в отдел кадров.

– Мы на работу школьников не берём. Как платить будем? – спрашивали кадровики.

– Я готова работать без денег. Через год я школу закончу.

– Вот через год и приходи. Курьером, может быть, и возьмём.

Оставалась только одна газета, к которой Рита даже боялась подойти. Центральная. «Таганрогская Правда». Она находилась на её любимой Греческой улице.

Однажды, придя из школы, Рита решила всё сделать по-другому. Переделала в своё красивое платье, расплела косы, достала портрет из-под матраца, внимательно на него посмотрела, и попыталась изобразить причёску, как на портрете, и придать своему вечно грустному выражению лица тот задор, страсть и смелость, которой обладала Истомина. Прихватив книгу Гёте «Фауст», которую в данный момент читала, она отправилась в редакцию.

Редактором газеты «Таганрогская Правда» был мужчина, Соколовский Анатолий Арнольдович. Секретарша поинтересовалась, записана ли девушка на приём, и, заглянув в свой журнал, высокомерно объявила, что придётся подождать, так как у начальника совещание. Рите ничего не оставалось делать, как присесть в коридоре, и немного почитать. Через полчаса ей разрешили пройти к руководству.

Она вошла в кабинет, умирая от страха. Ноги и руки стали ватными, во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу и никак не хотел отклеиваться. «Трусиха, – подумала она, – И какой из меня получится журналист, если я боюсь людей. Сейчас уйду, скажу, что ошиблась. Извинюсь, и уйду. Видно, мама права, с моими мозгами только в швейной мастерской и работать. О, нет, только не это. Интересно, как бы повела себя Истомина? Также бы струсила?»

Рита прижала книгу к себе и закрыла глаза, чтобы представить эту удивительную девушку. На мгновение, на одно лишь короткое мгновение, ей показалось, что она, Рита, стоит на сцене необыкновенно красивого театра. Весь зал полон людей, и они чего-то ждут. Чего? «Они ждут сказки, танца, чуда. Они ждут её, Истомину», – почувствовала Рита, и гордо вскинула голову. Ведение исчезло.

– Добрый день, Анатолий Арнольдович. Меня зовут Маргарита, и я хочу у Вас работать, – выпалила скороговоркой Рита, и отчаянно покраснела от своей смелости.

– Добрый. А Вы, собственно, кто? Фамилия у Вас есть?

– Есть. И я будущий журналист Вашей газеты. Прошу Вас испытать меня в работе. Вот мои сочинения. Школьные. У меня талант. А фамилия моя Ковальская, – продолжила она, и, только после этих слов, Анатолий Арнольдович оторвался от чтения каких-то бумаг, поднял голову и внимательно на неё посмотрел.

– Ковальская? И сколько Вам лет, Ковальская? Вы школьница?

– Да. Одиннадцатый класс. Но я смогу и учиться, и работать. Могу работать без денег. Прошу дать задание.

– Задание? А Михаил Ковальский, случайно, не Ваш отец?

– Мой. Да, конечно. Отец.

– Так это он Вас записал на приём? А почему меня не предупредил? Я ждал его, а пришли Вы. Ну, что же. Буду рад оказать Михаилу такую услугу. Хотя... Не имею права.

– Пожалуйста. Только одно задание. Испытайте меня.

– Испытать? Знаете, я дам Вам задание. Выполните, возьму на работу.

– Я записываю. Выполню, не сомневайтесь, – сказала Рита почти шёпотом, так как смелость покидала её.

– Завтра в наш город приезжает театр «Современник» из Москвы. Возьмёте интервью у Олега Ефремова, тогда и поговорим серьёзно о Вашей работе в редакции. Ваши сочинения оставьте пока при себе. Задание сложное, сами понимаете.

– Я справлюсь.

– А что за книгу Вы держите в руках? Можно поинтересоваться?

– «Фауст».

– Вот как? Ну, как говорят, чем чёрт не шутит. До завтра, Ковальская.

– До завтра, Анатолий Арнольдович. Спасибо за доверие, – ответила Рита, и выпорхнула из кабинета, не дав ему передумать и пожалеть о только что данном ей поручении.

Рита, выйдя из кабинета, прислонилась к стене, чтобы отдышаться. Сердце колотилось от страха и от счастья. Чего было больше, понять Рита даже не пыталась. Мимо неё прошествовал хорошо одетый пожилой мужчина с копной седых вьющихся волос, мельком взглянул на неё, и скрылся в кабинете Соколовского.

Задание для неё было очень простым. Дело в том, что кружок танцев, в котором она занималась, несколько раз выступал в Чеховском театре. Риту там немного знали, и попасть в администрацию не было никаких проблем, что она тут же и сделала.

В театре стоял переполох: гастроли «Современника» со спектаклем «Сирано де Бержерак» отменились из-за болезни главного режиссёра. Билеты были раскуплены на завтрашний спектакль ещё месяц назад, а сообщили о том, что артисты из Москвы не приедут, только сегодня. Видимо, до последнего дня надеялись, что Олег Ефремов поправится. Многие актёры Чеховского театра находились в отпусках. Одним словом, форс-мажор, со всеми вытекающими последствиями. Единственное, что можно было предпринять, это вместо «Сирано», в главной роли которого должен был выступить Михаил Козаков, выпустить не совсем готовый спектакль «Иванов» с Аркадием Груздевым. Груздева обожал весь город, поэтому особого скандала не должно было случиться.

Глава 6. Статья

Как только Зоя Васильевна уснула, Рита взяла фонарик и, прихватив несколько газет, отправилась в сарай. Ещё раз перечитала те статьи, которые, как ей казалось, были самыми интересными и запоминающимися. Она стала писать, подражая им. Перечитала. Нет, это не её стиль, не её образ мышления. Надо написать так, как она считает нужным. И пусть будет, как будет. За ночь она написала статью в виде интервью со зрителями, которые только что вышли после спектакля. На вопросы, которые она им «задавала», люди «отвечали» по-разному. Одни возмущались, что их не предупредили, другие сожалели, что, приехав из другого города посмотреть именно московский театр, потратили и время и деньги, были и восторженные «отзывы» об игре Груздева, а некоторые «говорили» о том, что в нашей стране всё самое лучшее достаётся только столичным жителям.

Утром, до занятий в школе, она занесла статью в редакцию, а днём, после уроков, пришла, чтобы услышать, какое решение принял Соколовский. Секретарь предложила ей пройти в кабинет начальника.

– А, Рита. Жду Вас. Да, жду. Прочитал Вашу статью. Понравилась. Да, у Вас, действительно есть способности. Мы её, конечно, немного урезали, отредактировали, и выпускаем «в свет».

– Так Вы меня берёте, Анатолий Арнольдович? – замирая, спросила Рита.

– Берём, берём. Определёно, берём. Можно, на «ты»? – спросил Соколовский.

– Можно, если у Вас так принято.

– Твоим руководителем будет Максим Полуяров. Надеюсь, ты его знаешь. Остаётся один вопрос. Ты как хочешь подписывать свои статьи? Как Ковальская? Или возьмёшь псевдоним?

– Псевдоним? А можно?

– За тобой решение.

– Возьму псевдоним, – ответила Рита, и, неожиданно даже для самой себя, произнесла, – Авдотья Истомина. Можно?

– Это, кажется, балерина времён Пушкина? И что в ней особенного?

– Она очень много работала, чтобы стать виртуозной. И я хочу много трудиться, чтобы стать хорошим журналистом.

– Интересное решение. Хорошо. Истомина, так Истомина. Иди, знакомься с Максимом, и получай от него задания.

Рита возвращалась домой «на крыльях». Её взяли на работу в качестве помощницы самого, на её взгляд, яркого журналиста газеты. Ему, как и Соколовскому, статья очень понравилась.

На следующий день, принеся домой газету со своей статьёй, Рита сообщила матери, что будет работать в редакции.

– Хорошая статья, жизненная. Неужели ты написала? – спросила Зоя Васильевна после того, как прочитала её, – А почему подписано «Истомина»? Кто такая?

– Это мой псевдоним.

– Псевдоним, говоришь? Тоже верно. Вдруг что-то не так пойдёт, краснеть за тебя не придётся. Молодец. Работай. Это в жизни главное. А губы на красивую жизнь особенно не раскатывай. И романы в газете не крути. Посерьёзней будь. Там одни развратники работают. Ладно, время покажет на что ты способна.

Время – это такое богатство, которым надо дорожить всегда. Особенно теперь, когда после школы, вместо того, чтобы пройтись по улице Ленина до своего дома, она с радостным

волнением мчалась в редакцию за очередным заданием. Всё, что ей поручали, она выполняла быстро и добросовестно: разбирала корреспонденцию, отвечала на письма читателей, ездила с Максимом на интервью со знаменитостями, которые приезжали из Москвы. Рите выделили отдельный стол для работы, и первое, что она сделала, это принесла из дома обе фотографии Истоминой. Они каким-то образом вселяли в неё уверенность, стоило лишь взглянуть на них. Иногда она даже разговаривала с ними и просила совета, но это только когда оставалась одна в комнате.

Через три месяца она стала работать без руководителя. Её статьи всё чаще появлялись в газете. Об Истоминой заговорили. Рита была счастлива. Да и мама прекратила устраивать скандалы. Ей было не до дочери. Она страдала: Виктор объявил о своей свадьбе, которая должна была состояться через два месяца, 31 декабря.

Глава 7. Тайна

Рита не понимала, что такого интересного нашла мама в дяде Вите. За 15 лет, которые она его знала, мамин любимый мужчина располнел, обрюзг, часто ходил неопрятным и даже «навеселе». Рита никогда не слышала, чтобы он интересно о чём-то рассказывал, или блистал остроумием. Она не видела, чтобы дядя Витя дарил маме цветы, ходил с ней в кино или в театр. Их любовь была тайной для всех. Рита ревновала. Страдала. Иногда даже следила за ними. В детстве.

Любовь... Разговоры о любви в их маленькой семье были запретной темой. И если о своей мечте учиться и жить в Москве, она делилась со своей бывшей подругой Любой, то на тему любви она боялась даже заикаться.

У Риты было своё определение любви. Она называла это чувство – «трепет сердца». Будучи ещё ребёнком, она впервые ощутила его по отношению к маме. Рита любила маму всегда, даже когда та её ругала, несправедливо наказывала или отталкивала. Нелюбовь матери болью отдавалась в сердце, но «трепет» не проходил. С возрастом она стала чувствовать «трепет сердца» и по отношению к окружающему её миру: к маленькому котёнку, которого нашла на улице; к Лизочке Нечаевой и Любе Таран. «Трепет» появлялся, когда она брала в руки очередную книгу, ожидая узнать все тайны, которые содержались в ней. Она не покидала кинотеатр на середине фильма, даже если он был неинтересен, так как любила этот фильм, пока он не заканчивался. Она любила буфетчицу, угостившую её чёрной икрой, учителей и своих одноклассников, свою улицу, свой старый дом, даже колонку, в которой они брали воду.

По отношению к мальчикам первый «трепет сердца» появился, когда она познакомилась с Аликом, и длился до тех пор, пока он не надел свой серый костюм в белую полоску. Были и другие влюблённости: стоило мальчику совершить добрый поступок, или хорошо ответить у доски, или по-доброму с ней поговорить, как-то по-особенному улыбнуться, она начинала чувствовать, что сердце начинало трепетать. Трепет не возник только к Виктору. Не смотря на его необыкновенную красоту, она ни разу не испытала даже маленькой симпатии к нему. Он был злым, и она это чувствовала.

Иногда Рите казалось, что она родилась с дополнительной железой внутренней секреции, вырабатывающей Гормон Любви. Признаться даже самой себе в том, что она обладает таким качеством, было страшно.

Ей казалось, что каждый человек, как и книга, обладает удивительной тайной, загадкой, которую хотелось понять и разгадать. Но, чтобы понять, нужно общение. Именно в такие моменты, она разрешала ребятам провожать её от школы до дома, и вести нескончаемые разговоры на интересующие её темы. И то, при условии, что мама на работе, и не увидит. А уж если кто-то хотел за руку взять, или, не дай бог, поцеловать, тут же возникало отвращение и к парню, и к себе. Наступало разочарование, «трепет сердца» исчезал, начинало казаться, что она, действительно, гулящая и распутная, и кругом в отношениях одна грязь. Грязь, грязь и обман. Так и закрепилась за ней слава: «недотрога». Не только Алик и Виктор объяснялись ей в любви. Но она не верила. Никому не верила.

Но... проходило время, появлялся новый человек, новая тайна и новый «трепет сердца». Железа внутренней секреции работала, Гормон Любви давал о себе знать.

В данный момент новая влюблённость тронула Ритино сердце. Ей казалось, что Соколовский обладает огромной тайной, которую ей необходимо разгадать. Это был первый взрослый мужчина, появившийся так близко в её жизни. И ей очень хотелось узнать и понять: что же это такое – мужчина. Ей нравилось как и что он говорит, как смотрит, как

общается с сотрудниками. Ей нравилось как он одевается: брюки и свитер, никаких костюмов. Она впитывала всё, что он говорил на летучках. Однажды она случайно услышала, как он разговаривал с женой по телефону, и это было очень трогательно. Ему удивительно шло в то время новое, подчас не всегда с уважением произносимое слово – интеллигент. От такого отца она бы не отказалась, думала Рита. Она была счастлива, когда Анатолий Арнольдович приглашал её в кабинет и интересовался написанными ею статьями. Чтобы быть более смелой в разговоре с ним, она доставала фотографии Истоминой и внимательно всматривалась в этот, ставший для неё талисманом, удивительный образ необыкновенной женщины. Иногда в его кабинете она заставала пожилого мужчину, с которым столкнулась в коридоре редакции в самый свой первый день. Он каждый раз внимательно смотрел на Риту, не произносил ни одного слова, кроме приветствия, слушал их с Соколовским разговор, и изредка, по-доброму, улыбался. Его присутствие Риту не смущало. Её ничто не смущало на работе. Переступая порог редакции, в неё, как будто вселялся новый человек, у которого за спиной вырастали крылья. И эти крылья давали ей счастье творчества, огромную энергию и уверенность в себе.

Глава 8. Соколовский

Если бы ему три месяца назад сказали, что он влюбится в девчонку, которая, по возрасту, годится ему во внуки, он назвал бы этого человека сумасшедшим. Любовь с первого взгляда была у него однажды, на собственной свадьбе. И длится эта любовь уже тридцать лет. Не с женой. Женился он по расчёту. Нисколько не прогадал. И карьера и достаток в доме, и дети отличные, всё получилось. Любимая женщина, конечно, страдает, ждёт. Ждёт, что он решится на развод. Это так подогревает чувства! Он обещает. Она надеется. Чувствуешь себя властителем мира. Хорошо, что в нашей стране мужчин меньше. Столько возможностей. Он использует все. Не перечисть, сколько было романов, разлук, женских слёз. Женщина так прекрасна, когда плачет, так доступна. Хорошо! Полноценная жизнь умного, красивого мужчины.

Всё это в прошлом. Он и на работу Марго взял не потому, что ему статья понравилась. Нет, написано всё очень интересно, с иронией, с подтекстом. Молодец, что и говорить. И не потому взял, что Михаил попросил. Как интересно всё сложилось. Ковальский на приём записался, а Ковальская пришла. Секретарша и не заметила. Да, интересно иногда жизнь наблюдать. Со стороны. Отец с дочерью встретились. В коридоре. Мельком. Чужие родные люди. Слава богу, с ним такого не случится. Своих детей он знает всех. Мысли путаются. Господи, да почему он взял Марго на работу? Да потому что его словно кипятком воды окатило, когда он увидел её взгляд. Это что? Строение глаз такое или, действительно, в ней столько страсти? Попробуй, разберись. Она должна стать его! Должна! А как? Мало того, что несовершеннолетняя! В тюрьму он точно не собирается. Так ещё и Михаил – его приятель. Ах, Михаил, Михаил. Как же ты не вовремя появился. Надо сделать так, чтобы сама ему предложила. Он это умел. Сможет ли на этот раз? Должен! Иначе ему не жить. Месяц на снотворных и валидоле. И это при его-то здоровье. Да он молодым сто фору даст. Раскис ты, старик. Раскис. Не даром его любимые книги: «Финансист», «Титан», «Стоик». Драйзер словно с него списал Фрэнка Каупервуда. Тот в 90 лет женился на девчонке. По любви, между прочим. И Марго полюбит его. Обязательно полюбит. Ведь ему только 60. Разве это возраст для мужчины?

Анатолий Арнольдович оторвался от своих мыслей и попросил секретаря пригласить Ковальскую в кабинет. Предстоял тяжёлый разговор, но что делать. Слово надо держать.

– Разрешите, – услышал он голос Риты и оторвался, опять оторвался от мыслей о ней.

– Да, да. Заходи. Я жду тебя.

– Добрый день, Анатолий Арнольдович.

– Добрый. Твоя новая статья о «Парке культуры» мне очень понравилась. Пустим её в воскресенье. И воспоминание о 5-ом марте 53-го в тему. Очень кстати. Значит, говоришь, часто с мамой там гуляли, в парке?

– Иногда, – ответила Рита, – У мамы мало свободного времени. Работает много. Некогда ей.

– А отец? Он что, никогда не гулял с тобой?

– На вопрос обязательно отвечать? – спросила Рита, и удивилась своей смелости.

– Желательно, девочка моя. Я не просто так задаю этот вопрос.

– Не гулял. Я с ним не знакома. Мы с мамой вдвоём живём. Скажите, это имеет отношение к работе?

– В некотором роде. А хотела бы познакомиться?

– Познакомиться? Зачем? Мне скоро 18 лет. Я взрослая. Да и если он не желал меня видеть столько лет, захочет ли сейчас? Ему это для чего? Не понимаю. И как это касается лично Вас, Анатолий Арнольдович?

– Касается, моя дорогая. Если бы ты знала, ещё как касается. Одним словом, он хочет встретиться с тобой, познакомиться и подружиться.

– Анатолий Арнольдович, скажите, у Вас был отец? Вернее, Вы с отцом и с мамой жили?

– Конечно. Они и сейчас, слава богу, живы.

– И какие у Вас с ними отношения?

– Как какие отношения? Они просто мои родители. Самые родные мне люди. Какие могут быть отношения? Мы просто любим друг друга. Вот и всё.

– А какие у меня могут быть отношения с человеком, которого я и в глаза никогда не видела? Дружеские? А если он меня не полюбит? И у нас не будет – «просто», как у Вас. Так ведь и не будет. Что тогда? Нет, Анатолий Арнольдович, ещё одной родительской нелюбви я не вынесу. Это слишком больно.

– «Нелюбви»? Это ты о чём? Прости. Я, видимо, не так начал разговор. Значит, отказываешься? Ну, что же. Это твоё право.

– Не право, Анатолий Арнольдович. Это мой выбор. Я могу идти работать?

– Да, да, конечно, иди.

Как только за Ритой закрылась дверь, Соколовский набрал номер телефона:

– Привет, Михаил. Ты как, ждёшь? Ничем не могу тебя порадовать. Отказалась Рита познакомиться с тобой. А уж почему, и отчего, сам думай. Не маленький. Но дочь у тебя, скажу я, друг мой, дорогого стоит.

Так, что он только что сказал Михаилу? Дорогого стоит? Кстати, одной проблемой меньше. Хорошо, что отказалась. Как хороша была сейчас! Сколько страсти! Истинная Истомина! Так, кажется, он всё придумал. Да кто бы сомневался? Он подарит ей машину. Таких подарков он ещё никому не делал, даже сыну. Водить, конечно, она не умеет. Вот он и будет её учить. Господи, неужели он сможет к ней прикоснуться? Прикасаюсь! Постоянно! Где бы ещё машину достать? Очереди, очереди на всё. Захочешь, не купишь. Что за страна? Такие ресурсы. Нет, ему грех жаловаться. Связи подключит, блат, так сказать. Что ещё, кроме машины? Одета скромно. Ни одного украшения. Надо купить. Срочно. В магазинах и этого добра нет. У дочери возьмёт, не велика принцесса: золота, как у Екатерины Великой. Толя, Толя. Что же ты творишь? Она тебе дороже детей? А как же твоя Великая тридцатилетняя любовь, которой ты так гордился? Всё прахом пошло. Всё!

Глава 9. Маргарита

Рита ничего не понимала. Пришла на работу, а у них в редакции, вместо Соколовского, исполняющая обязанности главного редактора. Женщина. Анатолий Арнольдович с инфарктом в больнице. Три дня назад у Риты с ним был неприятный разговор, но не до такой же степени. Он, как всегда, пригласил её в кабинет. Статья у неё получилась немного резкая. Надо было решить много вопросов. Вот она и «посоветовалась» с портретом Истоминой. Смелости набралась. Только зашла в кабинет, а он ей какие-то серёжки суёт, да ещё о какой-то машине говорит. Она ему, конечно, вежливо сказала, чтобы он вернул серьги хозяйке. Видно же, что они не из магазина. И на машине отказалась учиться. Её от запаха бензина с детства тошнит. Да, ещё стал ей руку целовать. Близко подошёл, а от него так пахнет... Старостью. И опять ощущение грязи. Неужели мама права, и она производит впечатление доступной женщины? Влюблённость моментально прошла, железа не работает. Всё, как обычно. Тайна раскрыта. Интерес пропал. Соколовского, конечно, жалко. Надо в больницу к нему сходить. Все из редакции уже, оказывается, ходили.

В палату к Анатолию Арнольдовичу никого, кроме жены и детей не пускали. Нельзя сказать, что её это сильно огорчило. Никому не хочется чувствовать себя виноватой в чьей-то болезни, но как-то всё очень совпало. Портрет? Может, в нём всё дело? Надо бы поговорить со взрослым человеком.

Рита вспомнила, что в этой больнице работает хирургом Олег Манулис. Она решила его срочно найти и отправилась в регистратуру. С Олегом они знакомы давно, потому что он живёт со своей мамой в соседнем доме. Он так красив. Чистокровный грек с голубыми глазами и светлыми волосами. Он взрослый. Ему лет тридцать. И он лучший, вернее, единственный друг известного на весь город, артиста Груздева. Лишь бы он не был на операции. Рита постучала в ординаторскую.

– Войдите, – услышала она и осторожно заглянула в кабинет.

– Олег, можно зайти? – спросила Рита, и покраснела. Олега она стеснялась и боялась с детства. Он казался ей недостижимым, человеком из другого мира, – Простите, я не знаю Вашего отчества.

– Салют, Рита. Обойдёмся без отчества. Просто Олег. Какими судьбами?

– Пришла начальника своего проведать, а к нему не пускают. Может, знаете, как он? Соколовский. Анатолий Арнольдович.

– Соколовский? Кто же его не знает? Известная личность. Ничем не могу тебя порадовать. Обширный инфаркт. Боремся, боремся. Так ты, значит, у него работаешь? А как же школа? Давно тебя не видел. Всё хорошеешь.

– Спасибо. И учусь и работаю. Мне нравится. А какие прогнозы? Он поправится?

– Рита, ты сегодня не первая женщина, которая интересуется его здоровьем. Поправится. Если захочет.

– Какие же вы, врачи, жестокие.

– Многие так считают, не ты одна. Чтобы вылечить, надо быть жёстким. Не жестоким. Поняла? А теперь иди. У меня операция через десять минут.

– Олег, мне поговорить с Вами нужно. Очень, очень.

– О чём, малыш? Может вечером? Мне, правда, некогда.

– Хорошо, вечером. Можно во дворе? Я Вас ждать буду. А во сколько? Можно до девяти?

– А что случится в девять?

– Мама с работы приходит. Мне надо дома быть.

– Придётся все свидания отменить ради такой стрекозы. Хорошо, давай в восемь. А теперь иди, малыш. Не мешай работать, – Олег по-доброму засмеялся и вытолкнул Риту из кабинета.

Во двор она вышла ровно в восемь. Олег сидел на лавочке один, что очень порадовало Риту: значит, нам никто не помешает. Сердце её затрепетало.

– Ну что, стрекоза, говори, что хочешь узнать, – сказал Олег с улыбкой.

– Не знаю, с чего начать и как сказать.

– Так всё серьёзно? Уверена, что я справлюсь?

– Скажите, Олег, а в жизни бывает так, что портрет влияет на жизнь человека? Дальнейшую? После того, как портрет написан?

– Я ничего не понял. Что за чепуху ты несёшь? Какой портрет? Как он может влиять? Не понимаю, малыш.

– Я так и знала. Вы разговариваете со мной, как с маленькой.

– А как мне с тобой разговаривать? Я тебя с пелёнок знаю. Хорошо, я постараюсь быть серьёзным.

– Одно дело, если просто портрет написать. А если ты позируешь, а из тебя Наташу Ростову или Снегурочку изображают? Как Вы думаете, человек может измениться?

– Боишься растаять, как Снегурочка? – Олег улыбнулся, вокруг глаз собрались морщинки. Но он и не старили его, а придавали необыкновенное обаяние.

– Я думала серьёзно поговорить. Не буду больше Вас мучить своими вопросами, – Рита немного помолчала, а, затем, не выдержав, спросила, – Вы знаете, кто такая Истомина?

– А ты, значит, не знаешь? Сходи в библиотеку и почитай о ней. Роковая женщина была. Стрелялись из-за неё. Пушкин не устоял.

– Посмотрите, это она? – она достала из папки фотографии, которые принесла с работы, и протянула Олегу.

Он стал внимательно их рассматривать, а Рита следила за выражением его лица.

– Думаешь, я помню, как она выглядит? Это кто? Ты или Истомина? Кто тебя так изобразил? – спросил он охрипшим голосом.

– Художник. По памяти написал. Ладно, пойду я. Уже поздно. Скоро мама придёт с работы. Это не я, Олег. Истомина в образе Терпсихоры.

– Почему именно с тебя портрет написал?

– Сказал, что у нас глаза одинаковые.

– Постой. Не уходи. Я и не заметил, как ты выросла. Мы с друзьями за город собираемся в воскресенье. Поедешь с нами?

– А Груздев поедет? Мне бы интервью у него взять. По-другому не подступиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.